

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Я ИДУ ЗА НОСОРОГОМ

Л

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Я ИДУ ЗА НОСОРОГАМ

Л

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

Я ИДУ ЗА НОСОРОМ

р а с с к а з ы

Рисунки
В. ГАЛЬДЯЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА • 1967

ОТ АВТОРА

Ко мне в дом пришёл человек. Навстречу выбежала моя собака, большая чепрачная овчарка Динго. Она радостно виляла хвостом, но человек попятился и крикнул:

— Уберите её!

Потом мы сидели и разговаривали. На колени к гостю прыгнул котёнок Дымка. Гость брезгливо поморщился и отшвырнул котёнка.

— Я боюсь собак и не люблю кошек, — признался он и сразу стал мне неинтересен.

Мне кажется, что любовь к животным тянется откуда-то из далёкого детства, из добрых сказок. Она создаёт в человеке особый, неповторимый мир, расцвечивает его существование.

Эта книга о собаках, львах, носорогах. Но главные герои моих рассказов — люди. По тому, как они относятся к животным, я сужу о их характерах. Эта книга о добрых сердцах, о благородных поступках.

Когда я писал эти рассказы, рядом со мной сидела моя любимая собака Динго. И я часто думал о том, сколько хорошего сделала людям собака. Она помогала совершать учёным великие открытия, поднималась в космос, охраняла границу и спасала на войне раненых. Я уверен, что собака окажет ещё одну услугу людям — поможет воспитать в детях добрые чувства, не даст очерстветь их сердцам.

ОН УБИЛ МОЮ СОБАКУ

- Можно войти?
- Войди... Как твоя фамилия?
- Я Таборка.
- А как тебя зовут?
- Табором.
- Имя у тебя есть?
- Есть... Саша. Но зовут меня Табором.

Он стоял на пороге директорского кабинета, и руки ему оттягивал большой чёрный портфель в белых трещинках. Кожаная ручка оторвана, держится на одном ушке, и портфель достаёт почти до полу. Если не считать старого, облезлого порт-

феля, то в наружности Таборки не было ничего примечательного. Круглое лицо. Круглые глаза. Небольшой круглый рот. Не за что зацепиться взгляду.

Директор школы оглядывал мальчика и мучительно пытался вспомнить, за какие грехи вызван к нему этот очередной нарушитель порядка. Разбил лампочку или заехал кому-нибудь в нос? Разве всё запомнишь.

— Подойди сюда и сядь... Не на кончик стула, а как следует. И не грызи ногти... Что у тебя за история?

Мальчик перестал грызть ногти, и его круглые глаза посмотрели на директора. Директор длинный и худой. Он занимает полкресла. А вторая половина свободна. Руки, тоже длинные и худые, лежат на столе. Когда директор сгибает руку в локте, она становится похожей на большой циркуль, которым рисуют на доске окружности. Таборка посмотрел на директора и спросил:

— Это вы про собаку?

— Про собаку.

Мальчик уставился в одну точку: в угол, где висели плащ и коричневая шляпа.

— Я боялся, что с ней что-нибудь случится, и привёл её в школу. В живой уголок. Туда берут ужей и золотых рыбок. А собаку не взяли. Что она, глупее этих ужей?

Он проглотил слюну и с укором сказал:

— А собака — млекопитающее.

Директор откинулся на спинку кресла и пятернёй, как гребёнкой, провёл по тёмным густым волосам.

— И тогда ты привёл её в класс?

Теперь директор вспомнил, за что приглашён к нему этот возмутитель спокойствия. И ждал только подходящего момента, чтобы обрушить свои громы на эту круглую, давно не стриженную голову.

Мальчик снова проглотил слюну и, не отрывая глаз от плаща и коричневой шляпы, сказал:

— Она сидела тихо. Под партой. Не повизгивала и не чесала лапой за ухом. Нина Петровна не замечала её. И ребята забыли, что у меня под партой собака, и не прыскали от смеха... Но потом она напустила лужу.

— И Нине Петровне это не понравилось?

— Не понравилось... Она наступила в лужу и подпрыгнула как ужаленная. Она долго кричала. На меня и на собаку. Потом она велела мне взять тряпку и вытереть лужу. А сама встала в дальний угол. Она думала, что собака кусается. Ребята гудели и подпрыгивали. Я взял тряпку, которой стирают с доски, и вытер лужу. Нина Петровна стала кричать, что я не той тряпкой вытираю. И велела мне и моей собаке убираться вон... Но она ничего. Она не убивала мою собаку.

Таборка по-прежнему смотрел в одну точку, и со стороны казалось, что он рассказывает не директору, а его плащу и шляпе.

— Всё? — спросил директор.

Таборка был у него за этот день пятым, и у директора не было никакого желания продолжать разговор. И, если бы мальчик сказал «всё», директор отпустил бы его. Но Таборка не сказал «всё» и не кивнул головой.

— Нет, — сказал он, — мы ещё были в милиции.

Час от часу не легче! Директор с шумом придвинул кресло к столу. Он чувствовал себя в этом большом кресле, как в костюме, который велик. Наверное, его предшественник — старый директор — был толстым, раз завёл такое кресло. А он новый. Директора тоже бывают новичками.

— Как ты очутился в милиции?

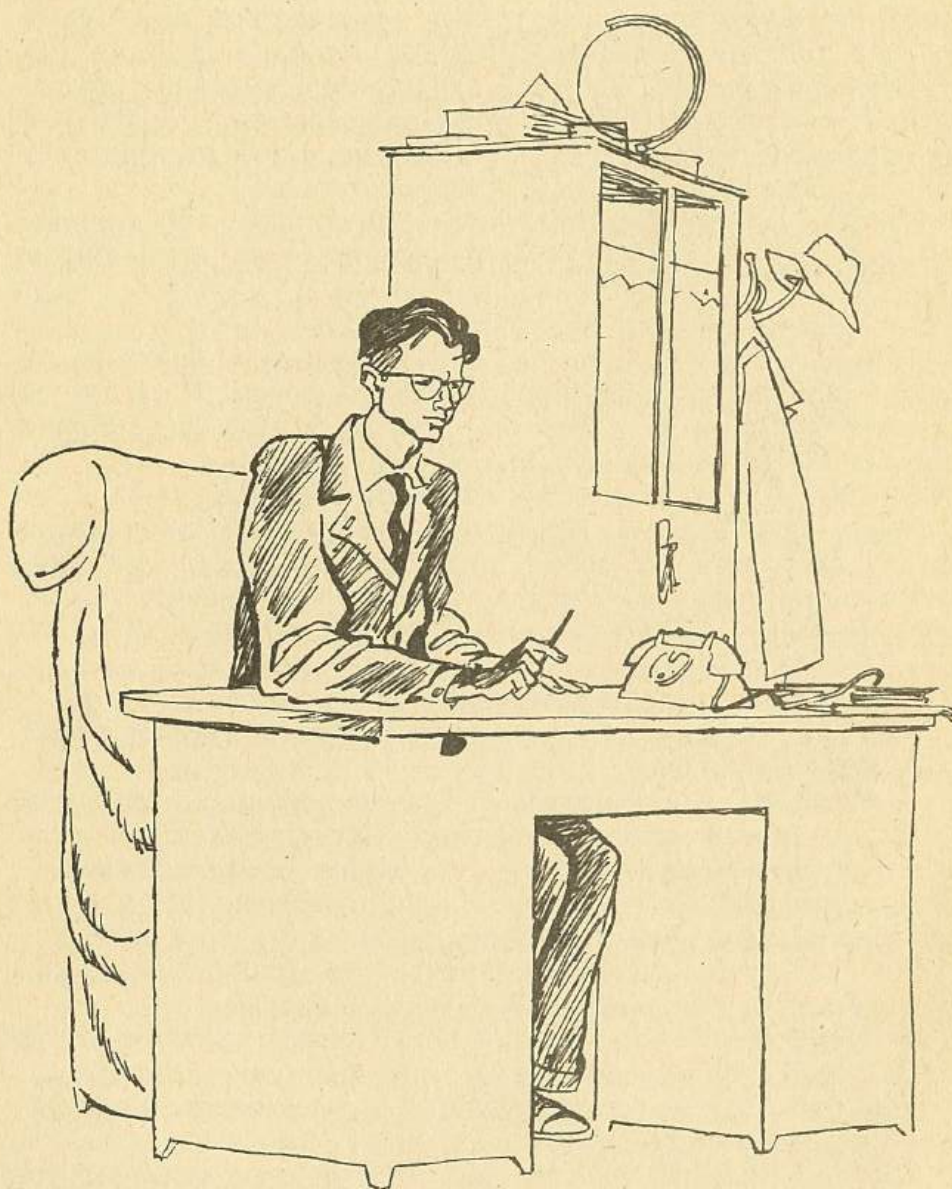
Таборка не вспыхнул и не заволновался. Он заговорил сразу, без заминки:

— Моя собака не кусалась. Не то что собаки, которые живут за большими заборами и вечно скалят зубы. Их чёрные носы смотрят из-под ворот как дустволки. А моя собака махала хвостиком. Она была белой, и над глазами у неё два рыжих треугольника. Вместо бровей...

Мальчик говорил спокойно, почти монотонно. Слова, как круглые ровные шарики, катились одно за другим.

— И женщину она не кусала. Она играла и ухватила её за пальто. Но женщина рванулась в сторону, и пальто порвалось. Она думала, что моя собака кусается, и закричала... Меня повели в милицию, а собака бежала рядом.

Мальчик поднял глаза на директора: рассказывать

дальше? Директор сидел на кончике своего кресла и грудью навалился на стол. Глаза его прищурились, как будто он целился. Они не видели ничего, кроме Таборки.

— Давай дальше.

— В милиции нас продержали два часа. Мы стояли у стенки и всё чего-то ждали. Но в милиции не убили собаку. Там один, с усами, даже погладил её и дал ей сахару... Оказывается, собаке полагается номер и намордник. По правилам. Но когда я нашёл мою собаку, у неё не было ни номера, ни намордника. У неё вообще ничего не было.

— Где ты нашёл её?

— В посёлке. Хозяева переехали в город, а собаку бросили. Она бегала по улицам, всё искала хозяев.

— Заведут собаку, а потом бросят!

Эти слова сами вырвались у директора, и он почувствовал, что после них уже не сможет ударить кулаком по столу. Мальчик не ухватился за его слова.

Он неожиданно возразил:

— Они бросили собаку, но не убили... А я наткнулся на неё. Отдал ей свой завтрак, и с тех пор она не отходила от меня.

— Как звали твою собаку?

— Не знаю... Ведь хозяева уехали.

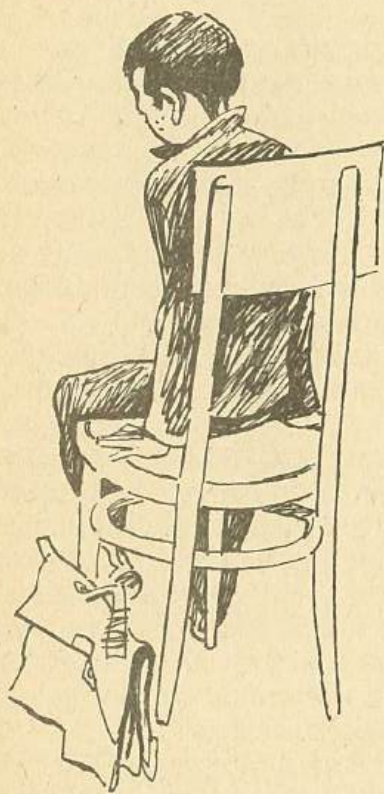
— И ты никак не назвал её?

Мальчик непонимающе посмотрел на директора.

— Ты не дал ей имени?

— А зачем?

Он наконец выпустил из рук тяжёлый портфель, и тот глухо плюхнулся на пол.

— У неё было имя. Я просто не знал его. Спрашивал у ребят. Никто не помнил, как её звали.

— Вот и назвал бы её как-нибудь.

Мальчик покачал головой:

— Раз у собаки есть имя, зачем давать ей новое? У собаки должно быть одно имя.

Теперь Таборка смотрел на медную пепельницу, которая стояла на краю стола. Пепельница была чистой и блестящей. Вероятно, новый директор не курил.

Таборка поднял руку и почесал затылок. И директор заметил на рукаве крупную штопку. Она была похожа на решётку, которая не выпускала локоть наружу.

Мальчик неожиданно умолкал и так же неожиданно начинал говорить, словно часть мыслей оставлял при себе, а часть высказывал вслух.

— Когда я первый раз привёл собаку домой, он был в отъезде. Мама сказала: «От собаки одна только грязь!» Какая грязь может быть от собаки? От собаки одна радость. Потом мама сказала: «Я твоей собакой заниматься не буду. Занимайся сам!» Так я для того и взял собаку, чтобы заниматься самому... Моя собака была очень умной. Когда я учил наизусть стихи, она смотрела мне в глаза и слушала. А когда у меня не выходила задача, собака тёрлась о мою ногу. Это она подбадривала меня. А потом приехал он и выгнал собаку.

Таборка не отрывал глаз от пепельницы, а директор скрестил пальцы и положил их под щёку и не спускал с мальчика прищуренных глаз.

— Чем ему помешала собака?.. Я не мог выгнать собаку. Её один раз уже выгоняли. Я поселил её в сарае. Там было темно и скучно. Я всё время думал о своей собаке. Даже ночью просыпался: может быть, ей холодно и она не спит? А может быть, она боится темноты?.. Это, конечно, ерунда: собака ничего не боится! В школе я тоже думал о ней. Ждал, когда кончатся уроки: её завтрак лежал у меня в портфеле... Потом он заплатил штраф за порванное пальто и выгнал собаку из сарая. Я привёл её в школу. Мне некуда было её деть.

Слова мальчика уже не были круглыми шариками. Они стали шершавыми и угловатыми и с трудом вырывались наружу.

— Я не знал, что он задумал убить мою собаку... Меня тогда не было. Он подозвал её и выстрелил ей в ухо...

В комнате стало тихо. Как после выстрела. И долгое время ни мальчик, ни директор не решались прервать молчание.

Неожиданно директор сказал:

— Слушай, Табор, хочешь, я подарю тебе собаку? Немецкую овчарку с чёрной полосой на хребте.

Мальчик покачал головой:

— Мне нужна моя собака. Я бы её научил спасать утопающих. У меня книжка такая есть, как учить собак...

Директор встал со стула. Он стал ещё выше, чем казался вначале. Пиджак висел на его худых плечах, как на вешалке. Может быть, его костюм тоже принадлежал когда-то старому директору. Как большое кресло.

Он подошёл к мальчику и наклонился к нему:

— Ты можешь помириться с отцом?

— Я с ним не ссорился.

— Но ты с ним не разговариваешь?

— Я отвечаю на его вопросы.

— Он тебя когда-нибудь бил?

— Не помню.

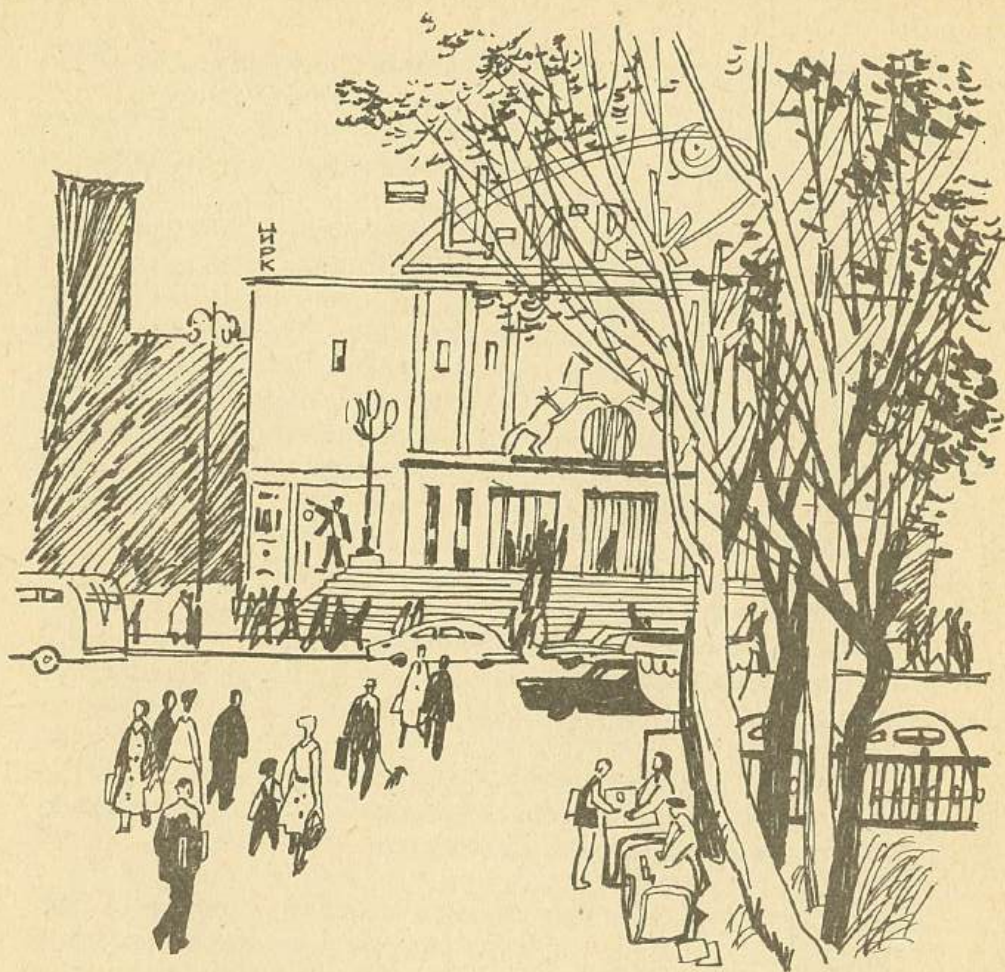
— Обещай мне, что ты помиришься с отцом?

— Я буду отвечать на его вопросы... Пока не вырасту.

— А что ты будешь делать, когда вырастешь?

— Я буду защищать собак.

Директор молча прошёлся по кабинету и вернулся в своё уютное кресло. А мальчик взял портфель за ручку, которая держалась на одном ушке, и пошёл к двери. Когда он уходил, директор заметил, что штопка на рукаве порвалась и острый локоть вырвался сквозь решётку наружу.

В ГОСТЯХ У СОБАКИ

Вам когда-нибудь случалось скучать по собаке? По милому четвероногому существу, которое осталось далеко дома? Это чувство — горькое, но удивительно светлое — подстерегает меня в чужом городе, в неуютном гостиничном номере, когда я остаюсь один. Мне вдруг начинает нехватать холод-

ного носа, который тычется в руку, длинного розового языка, который норовит лизнуть меня в щёку, преданных глаз, частого дыхания, запаха чистой собачьей шерсти.

Мне хочется открыть окно и громко позвать:

— Доня! Донюшка...

Я знаю, если бы мой зов долетел до собаки, она примчалась бы не раздумывая. По сугробам, по шпалам, вплавь, как угодно. Без отдыха, без сна, без вкусной похлёбки.

Я звоню домой. В Москву, на Пушкинскую улицу. Едва успеваю поздороваться и сразу спрашиваю:

— Как Доня?

— Ничего.

— Скучает?

— Спит на твоём диване.

— Передай ей привет.

На том конце провода не смеются. Там всё понимают и говорят:

— Хорошо. Передам. Когда ты приедешь?

Когда я приеду! Закончу дела и тут же — на вокзал. Если я скучаю по своей собаке, значит, мне не хватает целого мира — близких, рабочего стола, звонка над дверью, всего, что меня окружает дома.

Междугородный разговор кончился. Я кладу трубку и снова поднимаю её. Я набираю номер своего здешнего друга.

— Слушай, своди меня в гости.

— Приходи ко мне.

— Да нет, своди меня в гости к собаке.

На другом конце провода покашливание.

— То есть как — к собаке?

— Есть у тебя знакомые с собакой?

— Надо подумать.

Я кручу телефонный шнур.

— Может быть, кто-нибудь держит. Хотя бы дворняжку.

Друг дышит в трубку. Думает. И вдруг он восклицает:

— Слушай!

Вероятно, он вспомнил про какую-то добрую душу, которая держит собаку.

— Ну?!

— В нашем цирке сейчас работает Наташа Дурова. Знаешь её?

— Знаю.

Перед глазами возникает моя старая знакомая, щеголева-тая молодая женщина, рано поседевшая, с тонким покатым носом, с серыми глазами, расположенными близко к переносице. Энергичная, самостоятельная, вечно чем-то озабоченная...

Мой друг с подъёмом кричит в трубку:

— У неё морские львы, моржи, еноты, индюки, скворцы...

— Стой! Не нужны мне индюки. Мне нужна собака. Есть у неё собака?

Молчание. Потом мой друг нерешительно говорит:

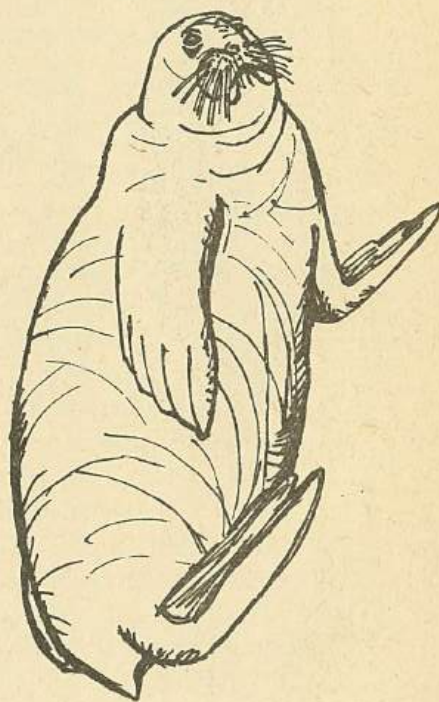
— Наверное, есть... У неё всё есть. Поезжай.

— Ладно, пусть морские львы. Поеду.

Я быстро собираюсь и еду, в надежде уехать от самого себя хотя бы к моржам.

И вот я попадаю в цирк. Не в праздничный бархатный амфитеатр, заполненный смеющейся публикой, а за кулисы. Иду по незнакомым каменным лабиринтам. Здесь полутемно. Холодно. Несёт звериным духом. Здесь в неприглядных серых помещениях трудом и потом создаются удивительные живые картины, которые при свете прожекторов сменяют одна другую в круглой раме манежного барьера.

Я нахожу конюшни. Это одно только название — конюшни. Здесь не слышно ржания лошадей, а режут львы, медведи, кри-

чат птицы. Совсем как в джунглях. И в самом деле я иду не просто по коридору, а по тропе, по которой ходят львы и тигры. На манеж, как на водопой.

И вдруг с тигриной тропы доносится Наташин голос:

— Простой рыбий жир не годится. Для Васи нужен витаминизированный. Вы понимаете? Ви-та-ми-ни-зиро-ван-ный.

Нет, мужской голос не понимает:

— Не всё ли равно, — говорит он, — какой рыбий жир.

— Ваш не годится, он с осадком. А Вася маленькая, ей одиннадцать месяцев. И потом она морж.

Морж — она, а зовут её — Вася. Я пропускаю мимо ушей это несоответствие. Когда моя собака была маленькой, ей тоже давали витаминизированный. Мне сразу становится любопытно посмотреть на Васю, которой, как и моей Доне, не годится простой рыбий жир, с осадком. Я прибавляю шаг.

— Ладно, — примирительно говорит Наташа, — куплю на свои деньги.

И тут я подхожу и здороваюсь. И сразу меня окружает особое гостеприимство, которое оказывают питомцы внучки знаменитого дедушки Дурова.

— Вася! Васенька!

Передо мной огромное, беззащитное в своей неподвижности существо. Розовато-коричневая шкура с перламутровым отливом. Ласты плоские, словно раскатанное тесто. В светлой оправе тёмные круглые глаза. А вокруг рта усы — висят, как макароны. Это Вася, Василиса. Малютка весом в семьсот килограммов. Она

вылезает из «моря» на «берег», и каждое движение стоит ей огромных усилий. Вася вздыхает. Она тарашит свои добрые глазищи и вздыхает. Что с тобой? Может быть, у тебя что-нибудь болит, а может быть, прорезаются зубки?

Из-под усов видны небольшие клыки. Пройдёт время, и они станут бивнями. Бивни похожи на соху. Ими моржи перепахивают дно моря, извлекают раковины, а потом несут их на усах к берегу. И раскалывают клыками, как грецкие орехи.

Вася разглядывает меня, а я Васю. И мне кажется, что она страдает оттого, что не может говорить. Я всегда подмечал это чувство в собаках. Но собаку, которая днём и ночью рядом с тобой, легче понять. А как узнать, что за тонкие переживания скрыты под толстой кожей этой морской царевны?

Из-за плеча на моржуху смотрит Наташа:

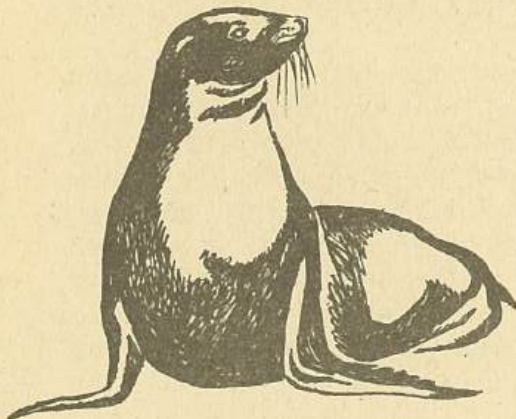
— Что тебе, доченька?

Доченька вздыхает. Как человек, только сильнее и глубже. Потом переворачивается на спину, ловко подхватывает ластом мячик и начинает перекатывать его по животу. И я угадываю в этом странном существе что-то наивно детское, что звери хранят дольше и бережнее, чем люди. Капля за каплей я вбираю в себя это доброе детское начало, и мне становится легче.

А потом я подхожу к морскому льву. Он чёрный и гладкий, как бритый чёрт. Движения плавные, волнообразные. Ни одного острого угла. Кажется, что Лель не движется, а ласкается. Он топорщит белые капроновые усы и лает.

— Не скрипи, Лель! — командует Наташа. — Разговаривай мягче. А теперь накажи себя.

Лель всё понимает. Он начинает легонько — хитрец! — похлопывать себя ластом по мягкому месту. Впрочем, у него все места мягкие. Чёрные глазки. Крохотные уши. И весь он такой самостоятельный, умный, понимающий.

— Я думала, что он не выживет, — словно сама себе, говорит Наташа. — У него был авитаминоз. Всё тело в нарывах. Совсем угасал. Он жил тогда у меня дома, в ванной. А я бегала по рынкам, доставала ему свежую рыбу.

За спиной раздаётся тяжёлый вздох. Это вздыхает Вася. Ревнует к Лелю. И косит в нашу сторону шарообразным глазом.

— Пойдём?

И вдруг я ловлю себя на том, что мне не хочется уходить от этих ласковых питомцев моря. Какое-то чувство проклюнулось во мне и уже дало робкий всход.

— Можно дать им сахару?

— Нет, дай лучше рыбы.

Рыбы у меня нет. Но Наташа суёт мне в руку серебристые слитки салаки. Я беру их и кормлю Леля, а потом Васю. Запах рыбы приближает море. Наташа улыбается. В волосах у неё застряла рыба чешуйка... Надо уходить, пока не привязался!

И снова каменные коридоры и двери с надписью: «Осторожно, хищники!» Я иду, смотрю по сторонам, прислушиваюсь. Из-за железной двери доносится тихий стон.

— Что это?

— Медвежонок.

— Болен?

— Да, болен... Его избил дрессировщик.

— Разве это разрешается?

— Болевой способ дрессировки.

— Этого дрессировщика болевым бы способом!

— Идём отсюда.

Мы идём молча. Не поднимая глаз. Нам стыдно перед медвежонком за человека.

Почти в каждом живом существе скрыты удивительные таланты. Их можно вызвать к жизни трудом и терпением. И тогда сложные цирковые номера будут казаться самим четвероногим исполнителям игрой, состязанием. Но можно разбудить способности страхом, болью — болевым способом. Тогда исчезнет весёлая непринуждённость. Её сменит чувство самосохранения. Это бумажные цветы. Но доверчивый зритель не сразу отличит их от живых.

А вот и арена цирка. Она может превратиться в степной простор, может стать морем, небольшим круглым морем. По трубам хлынет искусственный холод, и круглое море станет круглым катком. Выступают медведи. Медведи-конькобежцы. Зрители будут хлопать, смеяться. И никто не будет знать, что сегодня утром служители соскребали со льда кровь. После репетиции с медвежонком.

— Осторожно!

Наташа схватила меня за руку и оттащила в сторону. Мимо, тяжело дыша, прошла огромная медведица. Её вёл невысокий человек в костюме тореадора. Он держал её за ухо — так больней и надёжней — и тихо приговаривал:

— Но, но, старая дрянь!

Мне вдруг стало страшно. Не огромной медведицы, а человека, вцепившегося ей в ухо как клещ. Мне стало страшно его трусости, которая рождает жестокость.

Две фигуры скрылись за поворотом. Настроение было испорчено. Надо было просто пойти в гости к собаке, а не тащиться сюда.

— Ну идём, идём, — торопит меня Наташа, — я тебя ещё не со всеми познакомила.

Она стоит передо мной усталая, растрёпанная, платье всё в шерсти животных и в рыбьей чешуе. От неё пахнет рыбой, словно она из одной стихии с Лелем. Усталая русалка без хвоста. Она совсем не похожа на московскую щеголеватую Наташу.

— Идём к Бемби.

— К Бемби так к Бемби!

Наши шаги отдаются щелчками под потолком.

Надо только раз посмотреть на маленькую косулю, и сразу поймёшь, что жизнь лишилась бы одной удивительной краски, одного тонкого звука, одного живого аромата, если бы не было на свете этого маленького существа.

Бемби длинноногий и лёгкий, как кузнечик. Он передвигается прыжками. А выпуклые чёрные глаза определяют, куда бы прыгнуть.

— Где ты такого раздобыла?

— Он сломал ногу. В зооцентре. Его хотели «списать». Кому был нужен хромой.

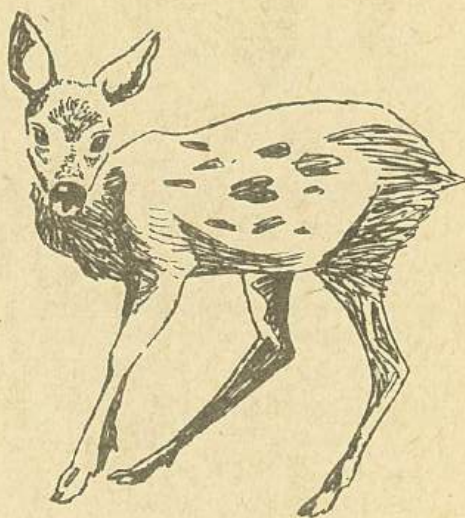
— А тебе в самый раз?

— Видишь, как я его починила.

Я протягиваю руку, косуля-кузнечик делает прыжок в сторону. Потом стоит, расставив передние ножки, и внимательно изучает меня: кто я такой, как я сюда попал и что от меня можно ждать? У него только что прорезались рожки — два заросших шерстью бугорка. Почесать бы их.

Я вспоминаю японский город Нару, где в парке на свободе гуляют олени. Их около тысячи. Там я чесал рожки оленёнку. Подойди сюда, Бемби, я тебе тоже почешу. Он не сразу проникается ко мне доверием. Но потом подставляет голову, и я начинаю почёсывать за маленькими рожками и за большими ушами. Бемби приятно. Он не собирается прыгать и закрывать глаза, большой кузнечик с пятнышками на шкурке.

Рядом с Бемби живёт индюк. Он похож на догорающий костёр: весь чёрный, как головешка, а гребень и борода ярко-красные, как непогасшие угольки. Я подхожу к индюку, и он начинает переступать с ноги на ногу и раздуваться. Появляется больше чёрного и больше красного. Словно кто-то решил не дать погаснуть костру, раздувает его, и угольки разгораются

ярче. А рядом стоит самочка. Серая, как зола. С одной красной искрой на месте гребня.

Сквозь ворох перьев, в янтарном чопорном взгляде трудно разглядеть что-то доброе и тёплое. Но, видимо, надо уметь смотреть.

Чьи-то цепкие холодные лапки хватают меня за палец. Я оборачиваюсь и вижу мохнатого зверька, который стоит на задних лапах и выжидательно смотрит на меня. Что ему надо? Ничего. Просто немного внимания.

Хорошо, что у меня в кармане есть сахар и печенье. Можно его угостить. Он берёт двумя лапками печенье и, прежде чем съесть, макает его в воду.

— Это кто ещё такой?

— Это Мишка. Енот.

Он тихий и застенчивый. И палец мой он держит несильно. Вероятно, человеческая рука никогда не причиняла ему боли, а кормила, ласкала, врачевала. И он тянется к человеческой руке, даже не зная, кому она принадлежит.

Мишка ест печенье. Ест сахар. Ест без торопливой жадности. И всё макает в воду, как беззубый старичок. А зубов у него полон рот.

— Недавно болел чесоткой. Насилу выходила.

Наташа не отходит от меня. Но она не забегает вперёд, не лишает меня самостоятельности. И вместе с тем я чувствую на себе её ревнивый

взгляд: не слишком ли ласковы со мной её звери?

— Хочешь, я тебе покажу сестру милосердия?

— Конечно.

И вот у меня на руках кошка — Кисоль. Некрасивая, нескладная, белая с чёрными кляксами. Когда болел Мишка, она была с ним рядом в изоляторе, чтобы он не очень скучал. А когда появился Бемби со сломанной ногой, добро-

вольно перешла к нему в вольер. Действительно, сестра милосердия.

— Где ты её откопала?

Наташа пожимает плечами:

— В сточной трубе. Кто-то бросил. Маленькую, слепую. Я её из пипетки кормила...

Я то приседаю на корточки, то встаю на носки и тянусь, тянусь к доверчивым существам. В каждом открываю что-то новое, необычайное, благородное. Я чешу их за ушами, глажу по шерсти, называю ласковыми, позаимствованными у Наташи именами. И чувствую, как меня наполняет новая волна любви к жизни.

И вдруг:

— Зверям пора спать!

Наташа стоит и улыбается. В волосах поблёскивает рыба чешуйка.

Надо уходить. Я прощаюсь с Васей, с большеглазой морской царевной, с лакированным Лелем, с костром-индюком, с большим кузнечиком Бемби, с Мишкой, которого недавно вылечили от чесотки, и с его сестрой милосердия.

— Стой! Мы забыли Шарика и Прохора!

— Кто такие?

— Скворцы. Одного подбил мальчишка из рогатки, другой чуть не замёрз зимой...

Я вернулся домой поздно. Весь мой костюм был в шерсти, а от рук пахло свежей рыбой. Счастливая усталость овладела мной. Я опустил на стул и закрыл глаза. И тут зазвонил телефон.

— Как дела? — спрашивает меня здешний друг. — Был в гостях у собаки?

Я на мгновение задумался и, помедлив, ответил:

— Был. Всё в порядке.

У ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНА БЫТЬ СОБАКА

В большом магазине, где продаются ружья, порох и ягдташи — сумки для добычи, — среди охотников и следопытов топтался мальчик. Он привставал на носки, вытягивал худую шею и всё хотел протиснуться к прилавку. Нет, его не интересовало, как ловко продавцы разбирают и собирают ружья, как на весы с треском сыплется тёмная дробь и как медные свистки подражают голосам птиц. И когда ему наконец удалось

пробраться к прилавку и перед его глазами сверкнули лезвия ножей, которые продаются только по охотничьим билетам, он остался равнодушным к ножам.

Среди охотничьего снаряжения глаза мальчика что-то напряжённо искали и не могли найти. Он стоял у прилавка, пока продавец не заметил его:

— Что тебе?

— Мне... поводок... для собаки, — сбивчиво ответил мальчик, стиснутый со всех сторон покупателями ружей и пороха.

— Какая у тебя собака?

— У меня?.. Никакой...

— Зачем же тебе поводок?

Мальчик опустил глаза и тихо сказал:

— У меня будет собака.

Стоящий рядом охотник одобрительно закивал головой и пробасил:

— Правильно! У человека должна быть собака.

Продавец небрежно бросил на прилавок связку узких ремней. Мальчик со знанием дела осмотрел их и выбрал жёлтый кожаный, с блестящим карабином, который пристёгивается к ошейнику.

Потом он шёл по улице, а новый поводок держал двумя руками, как полагается, когда ведёшь собаку. Он тихо скомандовал: «Ря-дом!» — и несуществующая собака зашагала около левой ноги. На перекрёстке ему пришлось остановиться; тогда он скомандовал: «Си-деть!» — и собака села на асфальт. Никто, кроме него, не видел собаки. Все видели только поводок с блестящим карабином.

Нет ничего труднее уговорить родителей купить собаку: при одном упоминании о собаке лица у них вытягиваются и они мрачными голосами говорят:

— Только через мой труп!

При чём здесь труп, если речь идёт о верном друге, о дорогом существе, которое сделает жизнь интересней и радостней. Но взрослые говорят:

— Через мой труп!

Или:

— Даже не мечтай!

Особенно нетерпима к собаке была Жекина мама. В папе где-то далеко-далеко ещё жил мальчишка, который сам когда-то просил собаку. Этот мальчишка робко напоминал о себе, и папе становилось неловко возражать против собаки. Он молчал. А маму ничто не удерживало. И она заявляла в полный голос:

— Только через мой труп! Даже не мечтай!

Но кто может запретить человеку мечтать?

И Жека мечтал. Он мечтал, что у него будет собака. Может быть, такса, длинная и чёрная, как головешка, на коротких ножках. Может быть, борзая, изогнутая, как вопросительный знак. Может быть, пудель с завитками, как на воротнике. В конце концов, многие собаки могут найти след преступника или спасти человека. Но лучше, конечно, когда собака — овчарка.

Мальчик так часто думал о собаке, что ему стало казаться, будто у него уже есть собака. И он дал ей имя — Динго. И купил для неё жёлтый кожаный поводок с блестящим карабином.

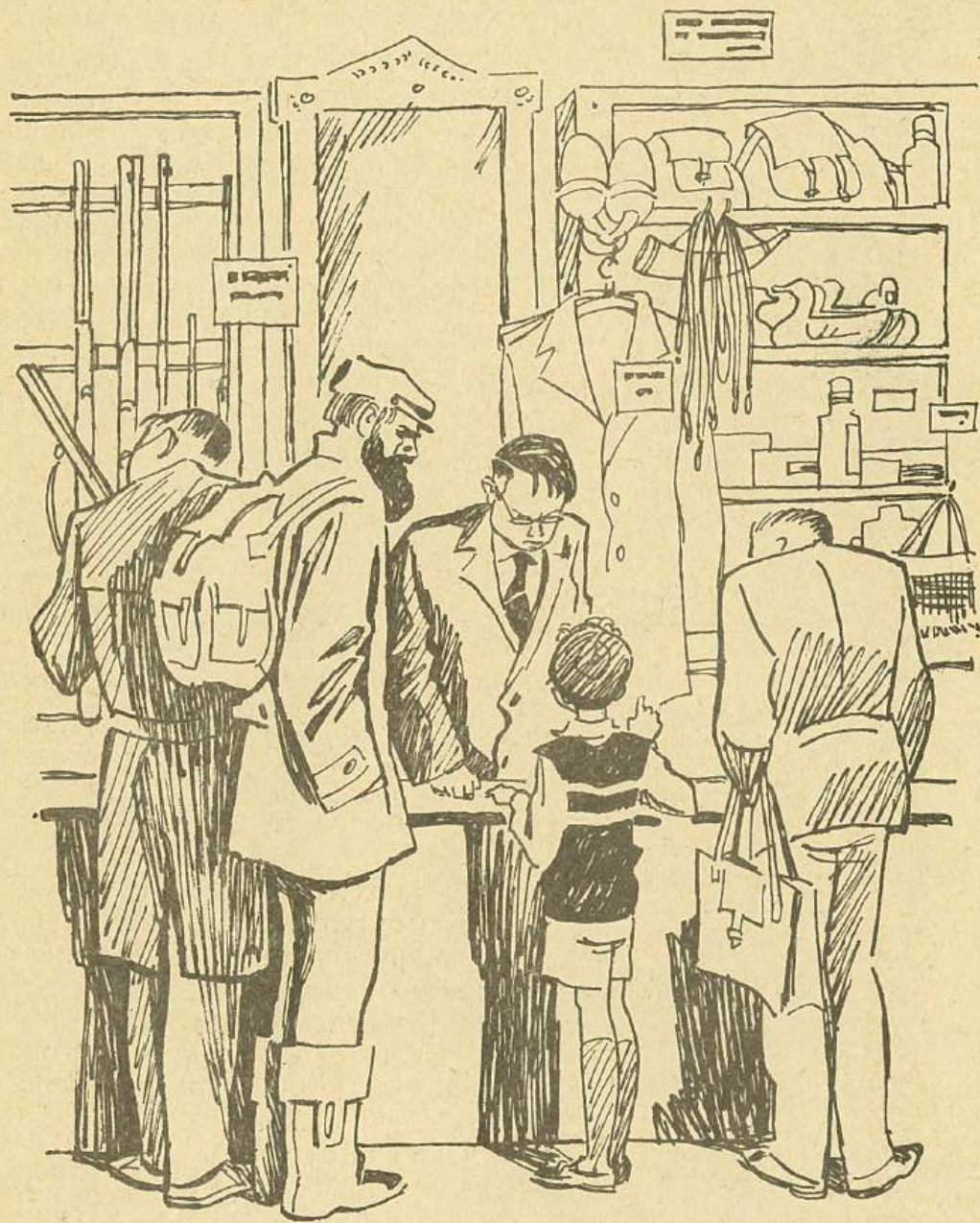
На таком поводке ежедневно выводили на прогулку Вету — большую чепрачную овчарку, которая недавно появилась в доме. Спина у Веты чёрная, грудь, лапы и живот светлые. И этим она похожа на ласточку. Большие настороженные уши стоят топориком. Глаза внимательные, умные, а над ними два чёрных пятнышка — брови.

Каждое утро, когда Жека шёл в школу, он встречал во дворе Вету. Её хозяин — высокий, чуть сутулый мужчина в короткой куртке — энергично шагал по кругу и читал газету, а Вета шла рядом. Наверное, это очень скучно ходить по кругу и принюхиваться к грязному асфальту. Иногда Вета кралась за голубем, который тоже расхаживал по асфальту, но когда она готова была прыгнуть, хозяин натягивал поводок и говорил:

— Фу!

На собачьем языке это означает — нельзя.

Жека стоял у стенки и внимательно следил за собакой. Ему очень хотелось, чтобы Вета подошла к нему, потёрлась о ногу или лизнула большим розовым языком. Но Вета даже не

поворачивала к нему головы. А хозяин мерил двор большими шагами и читал газету.

Однажды Жека набрался смелости и спросил:

— Можно её погладить?

— Лучше не надо, — сдержанно ответил хозяин и взял поводок покороче.

А Жеку с каждым днём всё сильнее и сильнее тянуло к Вете. В глубине души он решил, что его собака будет именно такой, как Вета, и он тоже будет ходить с ней по двору и, если кто-нибудь попросит: «Можно её погладить?», ответит: «Лучше не надо».

В этот день Жека раньше обычного собрался в школу.

— Ты куда так рано? — спросила мама, когда он уже выбежал за дверь.

— Мне надо... в школу!.. — крикнул мальчик, сбегая с лестницы.

Нет, он торопился не в школу. Сперва он стоял в подъезде, наблюдая, как Вета мягкими, уверенными шагами шла по сербристому асфальту. Потом он пошёл следом за ней. Ему мучительно захотелось дотронуться до собаки, провести рукой по её блестящей чёрной шерсти. Он подкрался сзади и, забыв все предосторожности, коснулся рукой чёрной спины. Собака вздрогнула и резко повернулась. Перед мальчиком сверкнули два холодных глаза и влажные белые зубы. Потом глаза и зубы пропали, и в то же мгновение Жека почувствовал резкую боль в ноге.

— А-а! — вскрикнул он.

Хозяин скомкал газету и рванул на себя поводок. Но было уже поздно. Нога горела. Жека отскочил и, давясь от слёз, посмотрел на укушенную ногу. Он увидел рваную штанину и тонкую струйку крови, которая текла по ноге. Сквозь слёзы овчарка показалась мальчику злой и некрасивой. Он хотел её погладить, а она ответила ему клыками. Разве это не подло!

— Что же ты? — виноватым голосом сказал хозяин овчарки. — Я предупреждал тебя...

Но Жека не слышал его слов. Преодолевая боль, он думал, что делать с рваной штаниной и горящей ногой. Он всхлипывал и держал портфель перед собой, как держат щит. Мужчина достал из кармана платок и вытер кровь с Жекиной ноги. А овчарка стояла рядом и уже не скалила зубы и не порывалась укусить.

— Я пойду, — сказал Жека, растирая на лице слёзы.

— Куда? — спросил мужчина.

— В школу, — нетвёрдо ответил Жека.

И в это время из окна высунулась мама. Окно было высоко, на восьмом этаже, и мама не увидела ни разорванной штанины, ни струйки крови. Она крикнула:

— Что же ты не идёшь в школу? Опоздаешь.

— Не опоздаю, — отозвался мальчик, продолжая стоять на месте.

Тогда мужчина задрал голову и крикнул Жекиной маме:

— Его укусила собака... Моя!..

Мама высунулась из окна дальше и увидела овчарку.

Сверху собака выглядела небольшой, но мамин страх увеличил её до размеров тигра. Она крикнула:

— Уберите! Уберите её!.. Она укусила тебя, детка?.. Развели собак! Они всех перекусают!

Мужчина молчал. У Жеки очень болела нога, и он тоже молчал. Мама скрылась в комнате. Мальчик сказал хозяину собаки:

— Убегайте скорей, сюда мама идёт!

Мужчина не побежал. Он стоял на месте, а собака нюхала асфальт.

— Я сам виноват, недоглядел, — сказал он и сунул в карман скомканную газету.

И тут появилась мама. Она увидела рваную штанину и кровоточащую ранку.

— Что вы наделали! — закричала она на мужчину, словно это не собака, а он сам укусил Жеку.

Потом мама принялась кричать на Жеку.

— Вот, вот, собачник несчастный! Я очень рада. Может быть, теперь ты выкинешь из головы этих собак. А вы, — мама снова переключилась на хозяина овчарки, — вы мне за это ответите.

Мужчина стоял как провинившийся и молчал. Мама схва-

тила за руку Жеку и потащила его домой. А мужчина и собака смотрели им вслед.

Врач осмотрел раненую ногу и сказал: «Пустяки!»

Мама не согласилась с врачом:

— Ничего себе пустяки! Ребёнка укусили, а вы говорите — пустяки.

Но врач не слушал маму. Он взял в руки пузырёк с йодом, помочил ватку и положил её на ранку.

— Ой! — Жеке показалось, что врач положил не ватку, а раскалённый уголёк, и он вскрикнул от боли. Но тут же сжал кулаки и изо всех сил зажмурил глаза, чтобы не заплакать.

А когда боль немного утихла, он сквозь зубы процедил:

— Пустяки!

Он сказал «пустяки», хотя был очень сердит на собаку.

Врач не стал забинтовывать ранку — так быстрее заживёт, — но велел делать уколы от бешенства.

— Она не бешеная... — сказал Жека.

Но мама оборвала его:

— Бешеная, раз укусила!

Врач усмехнулся и сдвинул белую шапочку на затылок.

Вечером, когда папа пришёл с работы, его ждали неприятные новости: сына укусила собака.

— Ты должен пойти в милицию, — настаивала мама. — Пусть он (мама имела в виду хозяина овчарки) купит новые брюки.

Папа сказал:

— Ничего не надо делать. С каждым может случиться.

— Как так — с каждым! — вспыхнула мама. — Со мной этого не может случиться, потому что у меня нет собаки.

— А у него собака, — спокойно ответил папа.

Жека почувствовал, что в папе проснулся мальчишка, который давным-давно сам просил собаку.

Каждый день он отправлялся на укол. Он приходил на пастеровский пункт, куда со всего города стекались люди, укушенные собаками. Здесь царила непримиримая ненависть к собакам. В тёмном, неприглядном коридорчике, ожидая своей очереди, укушенные мрачными голосами рассказывали страшные истории о злых собаках и показывали пальцами размеры

клыков, которые впивались в их руки, ноги и другие места. Усатый старик, шамкая губами, повторял как заведённый:

— Надо уничтожать собак. Я бы их всех перестрелял.

Эти люди забыли, как в годы войны собаки выносили с поля боя раненых, искали мины и, не жалея своей жизни, бросались под фашистские танки со взрывчаткой на спине. Они как бы ничего не знали о собаках, которые охраняют нашу границу, возят по тундре людей, облегчают жизнь слепым.

Жеке хотелось встать и рассказать людям о собаках. Но тут его приглашали в кабинет. Он сел на белую табуретку и, ёрзая, наблюдал, как сестра разбивала ампулу и брала в руки шприц. Шприц с длинной иглой казался ему огромным стеклянным комаром с острым страшным жалом. Вот этот комар приближается... Жека зажмуривается... и острое обжигающее жало впивается в тело...

Врачи считали, что эти уколы предохраняют Жеку от бешенства. Мама была уверена, что они излечат его от любви к собакам. Она не знала, что, отправляясь на пастеровский пункт, Жека берёт с собой кожаный поводок с блестящим карабином и рядом с его левой ногой шагает никому не видимая собака, которую зовут Динго...

Однажды во дворе Жека встретил хозяина Веты. Мужчина шёл без собаки и на ходу читал газету. На нём, как всегда, была короткая куртка, и от этого ноги выглядели особенно длинными. Жека поздоровался. Хозяин овчарки оторвал глаза от газеты и спросил:

— Как твоя нога?

— Пустяки! — повторил Жека слова врача. — А где Вета?

— Дома. Я теперь гуляю с ней рано утром и поздно вечером, когда во дворе никого нет. Она собака не злая, но с каждой может случиться... Ты уж извини.

— Я не сержусь на неё, — примирительно ответил Жека. — Я завтра приду пораньше.

Глаза мужчины посветлели. Он сунул газету в карман и сказал:

— На прошлой неделе у Веты родились щенки.

— Щенки! Можно их посмотреть?

— Можно.

В маленькой комнате на светлом полу копошились серые пушистые существа. Они были похожи на большие клубки шерсти. Клубки размотались, и за каждым тянулась толстая шерстяная нитка — хвостик. Из каждого клубочка смотрели серые глаза, у каждого болтались мягкие маленькие уши. Щенки всё время двигались, залезали друг на дружку, попискивали.

Жека присел перед ними на корточки, а хозяин Веты стоял за его спиной и наблюдал.

— Можно их погладить? — спрашивал Жека.

И хозяин отвечал:

— Погладь.

— Можно взять на руки?

— Возьми.

Жека изловчился, и один из клубочков очутился у него в руках. Он прижал его к животу и, поглаживая, приговаривал:

— Хороший, хороший, маленький...

Хозяин стоял за его спиной и улыбался.

— А можно мне... одного щенка? — неожиданно спросил мальчик.

— Тебе мама не разрешит, — сказал хозяин, и Жека сразу осекся.

Но есть такие минуты, когда надо быть мужчиной и надо самому принимать смелые решения. Это была именно такая минута, и Жека сказал:

— Разрешит!.. У человека должна быть собака.

Он сказал «разрешит» и тут же испугался своих слов. Но отступать было уже поздно. Он услышал за спиной голос хозяина Веты:

— Что ж, выбирай любого.

— Любого?

Жекины глаза сузились, нос сморщился. Он стал выбирать. Он почувствовал, что среди этих комочков находится его собака — Динго. Но как определить, который клубочек она? Щенки были одинаковые, как близнецы, и, как близнецы, похожи друг на друга.

И тогда Жека тихо позвал:

— Динго!

Серые глазки всех клубочков посмотрели на мальчика. И вдруг один клубочек отделился от своих братьев и сестёр и покатился к Жеке. Слабые ножки подкашивались, но щенок шёл на зов. И Жека понял, что это идёт его щенок.

— Вот... он! — воскликнул мальчик.

Он взял щенка на руки и прижал к себе.

— Он немного подрастёт, — сказал хозяин, — и ты сможешь забрать его. Если, конечно, мама разрешит.

— А когда он подрастёт?

— Недели через три.

Три недели — это двадцать один день. Двадцать один раз лечь спать и двадцать один раз проснуться. Если бы можно было бы сразу оторвать двадцать один листок календаря и не ждать так долго.

В один из этих дней мама спросила Жеку:

— Скоро твой день рождения, что тебе подарить?

Жека жалостливо посмотрел на маму и опустил глаза.

— Ну? Придумал?

— Придумал, — тихо сказал Жека.

— Что же тебе подарить?

Жека набрал побольше воздуха, словно собирался нырнуть, и тихо, одними губами произнёс:

— Собаку.

— Глаза у мамы округлились.

— Как — собаку?!

Мама закусила губу. Она была уверена, что раненая нога, безжалостные уколы навсегда вытравили из сердца сына любовь к собакам.

Наступил двадцать первый день. Для всех людей это был самый обычный день. Для всех, но не для Жеки. В этот день он переступил порог своего дома, прижимая к животу собственного щенка. Теперь щенок не напоминал клубок шерсти с висящей ниткой. Он подрос. Лапы окрепли. В глазах появилось весёлое озорство. И только уши болтались, как две пришитые тряпочки.

Жека вошёл в дом. Молча прошёл в комнату. Сел на краешек дивана и сказал:

— Вот!

Он сказал «вот» тихо, но достаточно твёрдо.

— Что это? — спросила мама, хотя прекрасно видела, что это щенок.

— Щенок, — ответил Жека.

— Чей?

— Мой.

— Сейчас же унеси его прочь!

— Куда же я его унесу?

— Куда хочешь! Мало тебя укусила собака?

— У меня уже всё зажило. Посмотри, — быстро сказал Жека и засучил штанину.

— Только через мой труп, — сказала мама.

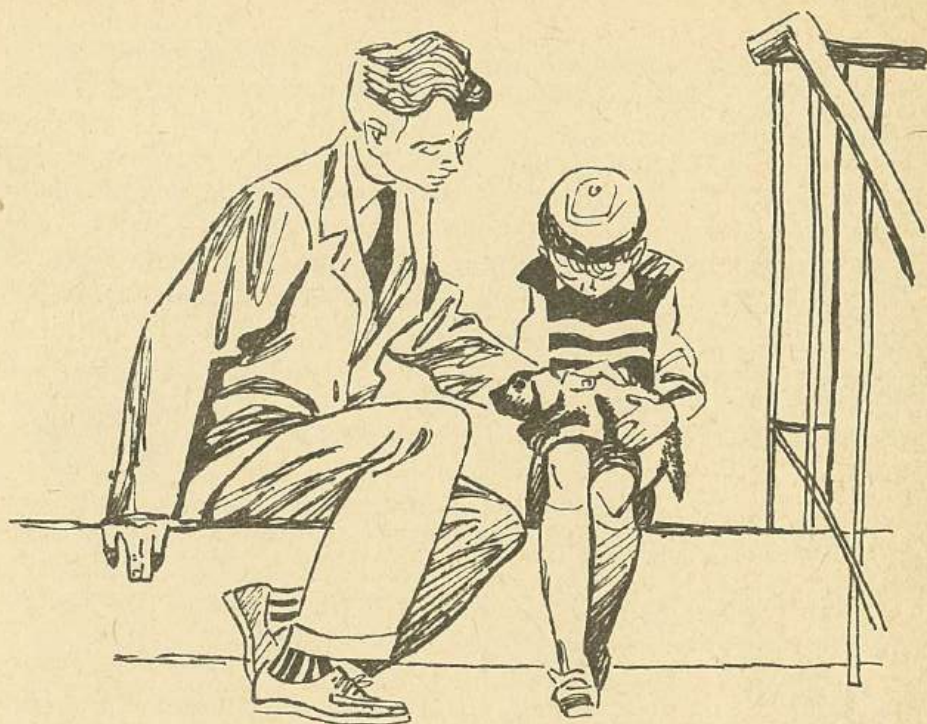
— Он породистый, — защищал щенка Жека, — у него родословная, как у графа.

— Никаких графов! — отрезала мама.

— Человек должен иметь собаку, — отчаянно произнёс Жека и замолчал.

Мама сказала:

— Ну, вот. Отнеси его туда, откуда принёс.

Она взяла Жеку за плечи и вытолкала за двери вместе со щенком.

Жека потоптался немного перед закрытой дверью и, не зная, что ему теперь делать, сел на ступеньку. Он крепко прижал к себе маленькое тёплое существо, которого звали Динго и которое уже имело свой собственный поводок из жёлтой кожи с блестящим карабином.

Жека решил, что не уйдёт отсюда. Будет сидеть день, два. Пока мама не пустит его домой вместе со щенком. Щенок не знал о тяжёлых событиях, которые из-за него происходили в жизни Жеки. Он задремал.

Потом пришёл с работы папа. Он увидел сына, сидящего на ступеньке, и спросил:

— Никого нет дома?

Жека покачал головой и показал папе щенка. Папа сел ря-

дом с сыном на холодную ступеньку и стал разглядывать щенка. А Жека наблюдал за папой. Он заметил, что папа довольно сморщил нос и заёрзал на ступеньке. Потом папа стал гладить щенка и причмокивать губами. И Жека почувствовал, что в папе постепенно пробуждается мальчишка. Тот самый мальчишка, который когда-то сам просил собаку, потому что у человека должна быть собака. Жека взглядом звал его себе в союзники. И этот мальчишка, как подобает мальчишке, пришёл на помощь другу.

Папа взял на руки щенка, решительно встал и открыл дверь.

— А что если нам в самом деле взять щенка? — спросил он маму. — Щенок-то славный.

Мама сразу заметила, что в папе пробудился мальчишка. Она сказала:

— Это мальчишество.

— Почему же? — не сдавался папа.

— Ты знаешь, что такое собака? — спросила мама.

Папа кивнул головой:

— Знаю!

Но мама не поверила ему.

— Нет, — сказала она, — ты не знаешь, что такое собака. Это шерсть, грязь, вонь. Это разгрызенные ботинки и визитные карточки на паркете.

— Какие визитные карточки? — спросил Жека.

— Лужи, — пояснил папа.

— Кто будет убирать? — спросила мама.

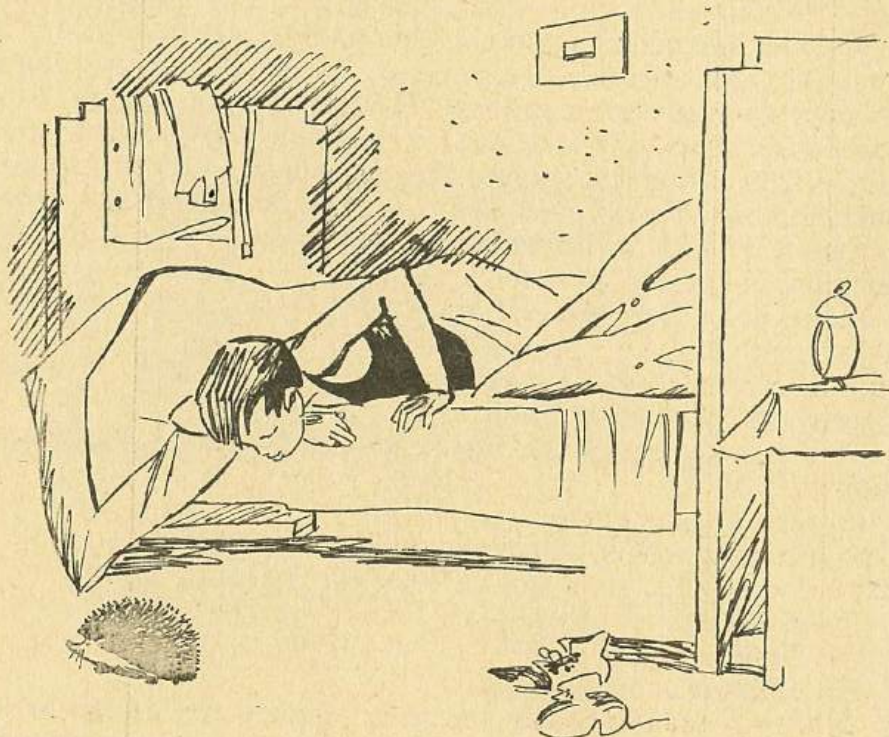
Папин мальчишка подмигнул Жеке:

— Мы!

Их было двое, и они победили.

Они победили. И в квартире на восьмом этаже поселился новый жилец. Он действительно грызёт ботинки и оставляет на паркете визитные карточки. И убирают за ним не папа и не Жека, а мама. Но если вы постучите в дверь и попросите: «Отдайте мне щенка», то мама первая скажет вам: «Только через мой труп. И не мечтайте».

Потому что это маленькое, ласковое, преданное существо сумело доказать маме, что у человека должна быть собака.

СЕРАЯ ШКУРКА

- Кому ежа? Хороший ёжик. Чего думаете? Покупайте.
- А черепаху не продаёшь?
- Нет у меня никаких черепах. Кому ежа?
- А чем его кормить?
- Как — чем? Мышами, змеями.
- Я бы купил, но где взять змей?
- Сколько стоит ёж?

— Рубль.

— А за шестьдесят три копейки не отдашь?

— Нужны мне твои шестьдесят три копейки! Рубль.

Этот шумный, разноголосый торг шёл в подворотне. Парень с соседнего двора стоял, прислонясь к стене, и прижимал к животу ученическую фуражку с твёрдым козырьком. В фуражке, как в гнезде, лежал небольшой колючий комочек. Мордочки не было видно, словно зверёк спал, накрывшись с головой одеялом. Он не обращал внимания на хриловатый голос своего хозяина.

— Не тронь ежа. Купишь, тогда трогай сколько хочешь. Будете покупать ежа или нет?

— Будем!

Это сказал самый маленький из ребят, толпящихся вокруг парня с соседнего двора. У него было бледное узкое лицо, три верхних зуба выступали вперёд и слегка оттопыривали губу. Мальчик был худой, нахохлившийся и сам чем-то напоминал ёжика.

— Будем!

— Деньги у тебя есть?

— Деньги...

Мальчик машинально запустил руки в карманы пальто. Потом отогнул полы и стал шарить в карманах брюк. Но откуда было взяться рублю в его карманах?

— Гони деньги, — нетерпеливо сказал парень с соседнего двора, — и забирай ежа.

— Я сбегая за деньгами, — нерешительно сказал мальчик. — Только ты никому не отдавай его.

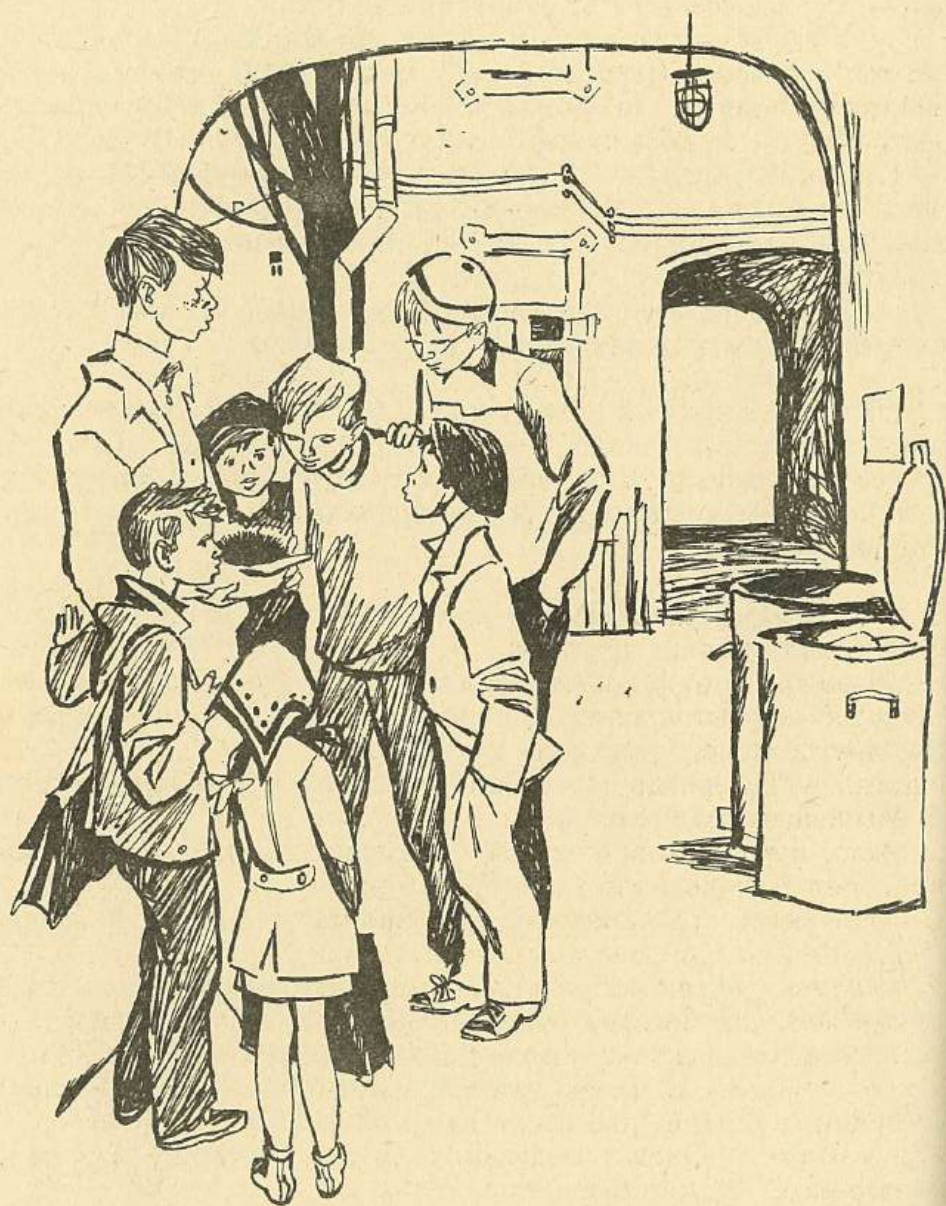
— Ладно, — снисходительно процедил парень, — давай по-быстрому.

Мальчик бросился бежать. Он прошмыгнул в подъезд и промчался вверх по лестнице. Можно было подняться на лифте, но он боялся остаться без ежа и очень спешил.

Он добежал до двери, позвонил. От учащённого дыхания даже плечи его поднимались и опускались.

— Мама, — сказал он, не входя в квартиру, — не надо барабана... Дай мне рубль на ежа.

— На какого ежа?

— Там продаётся... Только скорее, а то он уйдёт.

— Кто уйдёт?

— Который с ежом...

Мама ничего не могла понять из его несвязных объяснений, но рубль дала. И мальчик, зажав бумажку в кулак, вихрем помчался вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Парень из соседнего двора нетерпеливо переминался с ноги на ногу и шмыгал носом. А ёжик спал под своим колючим одеялом и не интересовался, кому его продают.

— Вот... рубль.

Парень сунул бумажку в карман и вывалил ежа из фуражки в руки новому хозяину:

— Получай! И будь здоров.

Он повернулся на одной ноге и зашагал к себе, на соседний двор.

Мальчик завернул зверька в полу своего пальто — а то он кололся — и, наклонясь над ним, ласково прошептал:

— Ах ты... ёжик-пыжик!

Он нёс его через двор бережно, словно зверёк был сделан из тонкого стекла и мог разбиться от неосторожного движения. «Скучно быть с самим собой, а с ёжиком другое дело, — думал он, заходя в подъезд. — Теперь другая жизнь пойдёт!»

Мышей и тем более змей в квартире не было, и ёжик вместо своей привычной пищи пил молоко и ел хлеб. Он облюбовал себе место под кроватью и выбирался оттуда главным образом ночью. Мальчик просыпался и слышал, как по паркету стучат жёсткие коготки; коротких лапок не было видно, и казалось, что ёжика приводит в движение маленький проворный моторчик, который работает со стуком. Мальчик свешивался с кровати и следил за зверьком. Может быть, при свете луны паркет напоминал ёжику лесную

дорожку, усыпанную рыжей хвоей, и он крадётся по ней в поисках змей и мышей...

Утром в дверь позвонила незнакомая женщина. Она была в синем халате, и от неё пахло дезинфекцией.

— У вас есть мыши? — спросила она мальчика.

— Нет, — ответил он, — а у вас?

— Глупости, — сердито сказала незнакомка и повернулась спиной.

Наверное, она разыскивала мышей для своего ёжика.

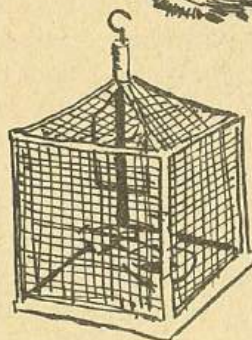
— Как разводят мышей? — спросил мальчик у мамы.

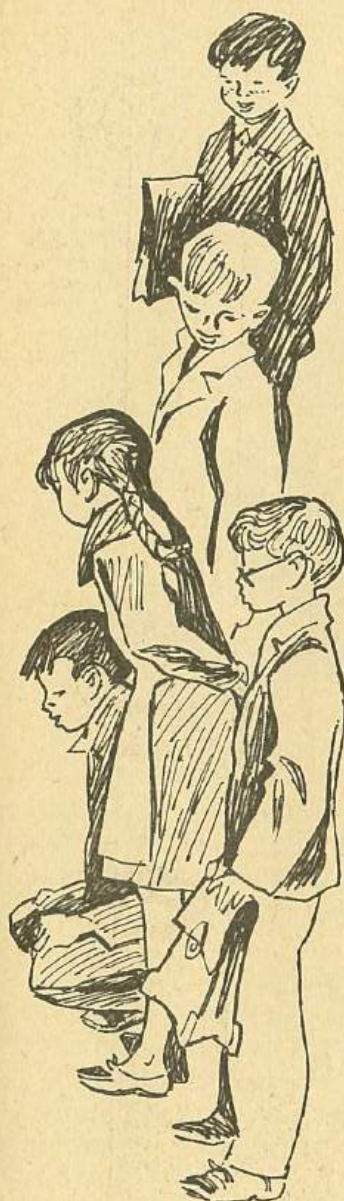
Мама не поняла, почему сына интересуют мыши, и сказала:

— Мыши заводятся у нерях. Когда разбрасывают корки и крошки.

Он тут же стал разбрасывать корки и крошки. Но мыши не заводились. А ёжик пил молоко и по ночам бродил по комнате в надежде найти мышь или змею.

Со временем ёжик осмелел, и его можно было взять в руки. У ёжика был тёплый гладкий живот и холодные лапки. От него пахло нагретой на солнце соломой. Иголки были жёсткими, колючими, чужими. И мальчик думал, что они не принадлежат ёжику, а он надел их, как надевают панцирь для защиты от врагов. Если этот панцирь снять, то под ним окажется серая шелковистая шкурка и короткий хвостик... А вдруг змея ужалит ежа в мягкий тёплый живот?

Тогда он умрёт?

Он спросил у мамы:

— Отчего умирают?

— От старости.

— А ещё отчего?

— От болезни.

— А если молодой и здоровый?

— Тогда и не умрёт.

— А на войне?

— На войне... погибают.

— А что лучше... умереть или по-
гибнуть?

— Делай лучше уроки.

— Ёжик молодой или старый?

— Покажи-ка мне твой дневник.

Очень трудно разговаривать с ма-
мой о серьёзных вещах. До всего
приходится доходить своим умом. По
крайней мере, хорошо, что ёжик здо-
ровый и молодой, а войны нет.

У него в классе ребята решили
устроить зоологический сад. Времен-
ный. На один вечер. Каждый принёс
из дому какое-нибудь живое существ-
во. Кто морскую свинку, кто черепа-
ху, кто птицу. Одна девочка принес-
ла кошку: у неё не было других жи-
вотных. А он принёс ежа. В пустом
портфеле.

В классе стоял гвалт. Все рас-
сматривали зверей и птиц. Трогали
их. А он не отходил от ёжика.

— Что ёжик ест? — спрашивали
ребята.

— Змей! — с гордостью отвечал
мальчик.

Все смотрели на ежа с опаской
и уважением.

— Где же он ловит змей?

— В лесу. Он носит на себе иголки, чтобы змея не могла его укусить. А под иголками у него серая шелковистая шкурка.

— Кто это тебе сказал? — вмешалась в разговор учительница.

— Я точно знаю. Он серенький с хвостиком.

Обняв двумя руками портфель с ёжиком, он шёл домой по дождливой мокрой улице. Под фонарями светились мутные жёлтые круги и металлическим блеском сверкали падающие капли. Он шёл от одного круга к другому, и его глаза радостно блестели. А верхняя губа слегка приподнялась, и из-под неё выглядывали три зуба.

Неожиданно рядом с ним вырос парень из соседнего двора.

— Что это у тебя? — хриловатым голосом спросил он, косясь на портфель.

— Ёжик.

Парень переступил с ноги на ногу и сказал:

— Слушай, давай мне ежа обратно.

— Как — обратно?

Мальчик сильнее прижал к себе портфель.

— Мне за него два рубля дают, а ты заплатил рубль, — пояснил парень.

— Так ты же сказал — рубль.

— Я не знал, что за него дают два... Или доплати рубль, или гони ежа.

И не дожидаясь ответа, парень ухватился за портфель и рванул на себя. Портфель перевернулся, и из него на тротуар выпал ёж. Колючки, как пружинки, смягчили удар. Ёжик очнулся и сразу побежал. Он выбежал из жёлтого круга и слился с чёрной мокрой мостовой.

— Ёжик-пыжик!

Мальчик бросился на мостовую вдогонку за своим маленьким другом.

В следующее мгновение кто-то с силой вцепился ему в плечо и отбросил в сторону. И сразу совсем рядом что-то загремело, загрохотало, дохнуло в лицо горячим душным ветром. И чёрная тень заслонила мостовую, по которой бежал ёжик. Мальчик зажмурил глаза. А когда снова открыл их, то увидел мужчину в больших очках, в пальто с поднятым воротником.

По улице с грохотом удалялся самосвал, а мужчина всё ещё не разжимал руку на худеньком плече мальчика.

— Ты сумасшедший, — сказал он, тяжело дыша, — ведь ещё шаг, и тебя бы не было в живых.

— Почему? — спросил мальчик, и три зуба выглянули из-под губы.

— «Почему, почему»! Потому что бежал прямо под колёса самосвала.

— Я бежал за ёжиком.

— За каким ёжиком?

— За моим... Где же он?

Мальчик собрался было снова бежать, но сильная рука удержала его.

— Подожди. Поищем вместе.

Они пошли рядом, всматриваясь в чёрные камни мостовой. В нескольких шагах в грязи лежала маленькая распластанная шкурка с прижатыми иголками.

— Где же ёжик? — спросил мальчик и поднял глаза на мужчину в очках.

— Убежал, — невпопад ответил мужчина.

— А иголки остались?

— Ты скажи спасибо, что сам остался жив, — сказал незнакомец и стал протирать очки.

Но мальчик не обратил внимания на его слова.

— Со мной бы он прожил и без иголок, — прошептал он. — Вы не знаете, новые иголки могут вырасти?

Человек ничего не ответил. Он надел очки и поморщился от дождя. Мальчик наклонился, поднял с земли портфель. На всякий случай заглянул внутрь: вдруг ёжик забился в угол? Но в портфеле никого не было. Только изнутри пахло тёплой соломой. Мальчик вдохнул этот запах и представил себе маленького серого зверька с шелковистой шкуркой и коротким хвостиком, который бежит по тёмному городу, стуча коготками по мокрым камням.

ХРОМОЙ ЛЕВ

Вы любите львов? Больших мускулистых хищников с гладкой жёлто-рыжей шкурой под цвет пустыни. С кожаной нащёпкой на конце носа, как у собаки, только в десять раз больше. С мягкими подушечками на ступнях. В этих подушечках, как грозное оружие в ножнах, спрятаны кривые острые когти.

Я любил львов и жалел, что они не разгуливают по мостовым, не крадутся по стриженной траве газонов и не греются на солнышке, развываясь на асфальте. Однажды я видел льва в музее. Но это был не зверь, а безобидное чучело. Его ела моль. Живой лев был в зоологическом саду. Но он или спал, по-кошачьи свернувшись в клубок, или смотрел в одну точку большими погасшими глазами.

Я мечтал о настоящем африканском льве, о царе зверей, который бьёт себя по рёбрам тяжёлым хвостом, издаёт боевой рык и широко раскрывает клыкастую пасть. К такому льву не подступится даже тигр, не то что моль с соломенными крыльями. И когда я услышал, что в наш город приехали львы, я немедленно раздобыл себе билет и отправился в цирк.

Я ехал в переполненном автобусе на одной ноге: вторую некуда было поставить. Я боялся опоздать и всё время прорывался протиснуться к выходу. Но какой-то худой невысокий человек выставил локоть, и я наткнулся на него то плечом, то грудью. Один раз автобус крепко тряхнуло, и я сделал попытку пробиться вперёд, но локоть не пустил меня. Он был как из железа.

— Стой спокойно! — хриплым голосом прикрикнул на меня пассажир с отставленным локтем. — У меня болит печень.

У меня не было никакой печени, и я с недоверием покосился на пассажира. Его лицо было недоброе. Костистый нос торчал остро, как локоть. Под носом топорщились колючие, словно приклеенные усы. А брови не держались на лбу и падали на глаза. Он поднимал их до самой шапки, а они снова падали.

— Вы сходите у цирка? — безнадежно спросил я.

— Схожу! — буркнул пассажир с больной печенью и на всякий случай выставил злой локоть.

Всю дорогу я стоял на одной ноге как аист. Но когда едешь в цирк смотреть львов, то можно и потерпеть.

Если взять циркуль и начертить огромный-огромный красный круг, получится арена. Если тем же циркулем намахать ещё много разных кругов, получатся места для зрителей. А всё вместе — это цирк. Залитый светом, многолюдный, нетерпеливый, смеющийся и затихающий в ожидании.

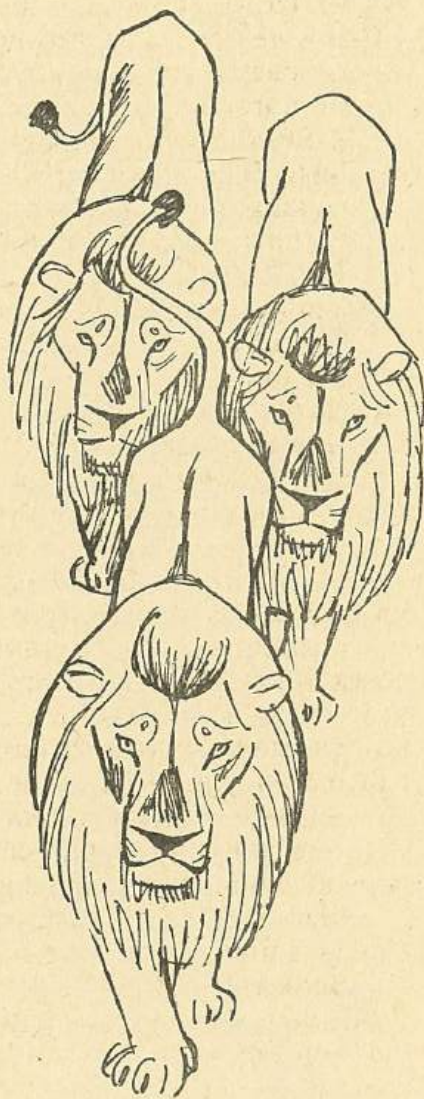
Очутившись в цирке, я растерялся. Я протиснулся к крас-

ному кругу и потрогал его рукой. Он был бархатным. Потом я долго ходил по разным кругам, отыскивая своё место, и всё время спотыкался о ботинки и туфли сидящих зрителей. Я думал, что они специально подставляют мне подножки, а они думали, что я нарочно наступаю им на ноги.

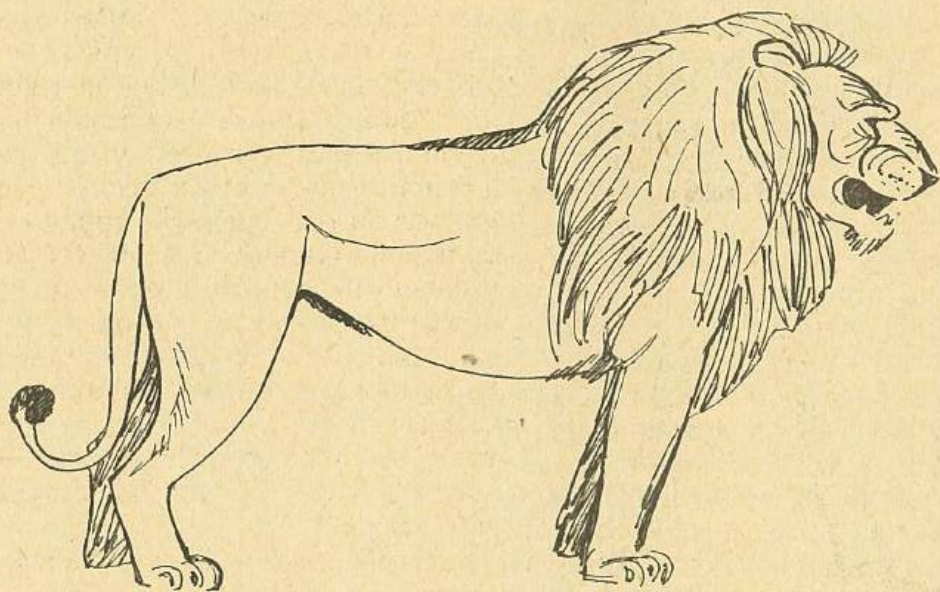
Наконец я нашёл своё место и облегчённо вздохнул. Мне показалось, что я целый день добирался до этого стула. Я сел и стал смотреть вниз на красный круг. Неужели львы такие надрессированные, что не будут кидаться на людей? Я-то сидел высоко, до меня ни один лев не допрыгнет, а каково нижним?

Вместо львов в красный круг вошёл клоун. Если у человека одна штанина короче другой, пиджак с одним рукавом, ботинки длинные, как лыжи, нос в муке, рот до ушей, — словом, если у человека всё не как у людей, значит, он клоун. Мне совершенно не нужен был клоун, но я засмеялся. Клоун падал, вскакивал на ноги и вставал на голову. Потом у него в руках появилась труба, и он стал играть, стоя на голове. Я забыл, что пришёл из-за львов.

Я так увлёкся выступлени-

ем клоуна, что не заметил, как вокруг арены выросла огромная клетка. Клоун вскочил с головы на ноги и пустился бежать: в клетке в любое время могли появиться львы. Свет в цирке погас. И только красный круг был освещён яркими прямыми лучами прожекторов. Оркестр заиграл марш. И на арену вышел укротитель. На нём была белая рубаха. Она блестела, как будто с неё забыли стряхнуть нафталин. Чёрные бархатные брюки были затянуты широким поясом. В руке он держал большой тонкий хлыст. Цирк захлопал. Укротитель стал раскланиваться во все стороны. Когда он повернулся в мою сторону, я разглядел его. Волосы у него были прилизаны и блестели, как мокрые. А брови то поднимались вверх, то падали на глаза. Я сразу узнал эти брови. Да, сейчас передо мной был тот самый сердитый пассажир, который выставил острый локоть и не пускал меня вперёд. Я не знал что и думать. Может быть, произошло недоразумение и в клетке вместо могучего, широкоплечего укротителя — таким он был на афише — оказался сердитый человек с какой-то больной печенью?

Знакомый пассажир взмахнул хлыстом, и под куполом цирка треснул выстрел. Это был сигнал. По железному коридору, наступая друг другу на пятки, побежали львы. Они были жёлто-рыжими, с большими гривами, похожими на воротники. Я подумал, что львы бегут сюда прямо из Африки и что этот железный коридор тянется по всей земле, от Сахары до нашего города.

Когда львы очутились на арене, мне стало не по себе. Вдруг грозные хищники догадываются, что перед ними вместо таинственного укротителя стоит обыкновенный человек, который, как и все, ездит в автобусе и выставляет вперёд локоть, чтобы его не толкнули. Но львы ни о чём не догадались. Они бегали по кругу до тех пор, пока мой знакомый снова не выстрелил хлыстом. Тогда они повернулись и побежали в другую сторону.

Львы мягко семенили тяжёлыми лапами. Они не рычали, не били себя по рёбрам хвостами. А когда один из них отставал, дрессировщик награждал его ударом хлыста, и зверь, поджав хвост, догонял приятелей.

Затем по команде дрессировщика львы расселись на деревянные тумбы. Одному льву не хватило места, и он сел прямо на опилки, которыми была посыпана арена. У львов был такой послушный вид, что я подумал: если льва уменьшить в десять раз, то получится средняя собака с большой головой, а если собаку уменьшить в пять раз — получится рыжий кот, наполовину пушистый, наполовину гладкий. Но если льва не уменьшают ни в десять, ни в пятнадцать раз, то лев должен оставаться львом — грозным и гордым царём зверей.

Дрессировщик повернулся ко

льву, которому не хватило места, и крикнул: «Алле!» Лев неподвижно сидел перед ним. Тогда он огрел зверя хлыстом по спине. Лев не двигался. Это не понравилось моему знакомому пассажиру. Он бросил хлыст на опилки, выставил острый локоть, подошёл к зверю и, схватив его за гриву, оттащил в сторону. «Сейчас лев его укусит!» — с тревогой подумал я. Но лев не укусил человека; он тихо, словно про себя, огрызнулся и побежал по кругу. Я заметил, что лев хромает.

Укротитель быстро расставил на пути льва деревянные барьеры и, на ходу подняв хлыст, заставил льва прыгнуть. Я чувствовал, что каждый прыжок причиняет хромоту зверю боль. И мне хотелось, чтобы представление немедленно кончилось, чтобы лев с больной лапой не бегал по кругу и не перемалывал через перекладыны. Но дрессировщик поднял брови и, удерживая их высоко на лбу, постреливал хлыстом.

Я не знаю, о чём думали люди, сидящие круглыми рядами. Судя по их хлопкам, они были довольны. А я не хлопал. Я сидел со сжатыми кулаками и думал о хромоте льве. Почему невысокий человек с падающими на глаза бровями командует гордым львом, царём всех зверей? Как ему удалось одолеть этого сильного клыкастого зверя? Умом? Хитростью? Своим острым локтем? Почему лев не взбунтуется?

Мне захотелось крикнуть льву:

«Не смей слушаться! Зарычи! Стукни лапой по опилкам. Будь, в конце концов, львом!»

Но лев слушался и не бил лапой по опилкам. Иногда он слабо рычал, обнажая при этом белые влажные клыки. Но словно испугавшись собственного рыка, умолкал и закрывал пасть.

А дрессировщик придумывал ему всё новые и новые испытания. Он обращался со львом, как с большим рыжим котом. Он заставил льва лечь и сам развалился на льве, как на диване. Он лежал и думал, что бы ещё проделать со львом. И придумал.

Служитель подал ему сквозь прутья клетки огненное кольцо. Свет совсем погас. Пламя освещало льва и укротителя. Лев должен был прыгнуть в горящее кольцо. Ему не хотелось прыгать, потому что у него болела лапа и он боялся огня. Но, видимо, укротителя он боялся ещё больше. И поэтому прыгнул. Я почувствовал запах горелого, наверное, зверь во время прыжка подпалил себе усы или гриву. Когда зажгли свет, лев сидел на опилках, и я видел, как сильно поднимались и опускались его бока: он тяжело дышал.

Дрессировщик снова направился ко льву. Что ещё потребует от грозного зверя этот маленький, сухой человечек? Он подошёл ко льву, руками раскрыл ему пасть и просунул свою голову между верхними и нижними клыками. Будь я на месте льва, я откусил бы ему голову! Но лев не сделал этого.

Номер кончился. Весь цирк задрожал от хлопков. Львы сорвались с места и, обгоняя друг друга, побежали по железному коридору обратно в «Африку». Хромой лев бежал последним.

Я поднялся и, наступая на чужие ботинки, стал пробираться к выходу. Мне захотелось ещё раз взглянуть на хромого льва. Я бродил по длинным круглым коридорам в поисках циркового зверинца. Сперва я попал к лошадям. Они стояли в стойле и с хрустом ели овёс. Их челюсти как заведённые ходили из стороны в сторону. Они не жевали, а перемалывали овёс на муку.

Рядом с лошадьми оказался слон. Он стоял неподвижно, опустив хобот до земли. Его подслеповатые глазки были очень

малы (слону бы полагались большие глаза!), а кожа вся в морщинках. Словно слон был резиновый и из него вышел воздух.

В соседнем помещении в клетке лежал медведь. Он лежал на спине, подняв лапы кверху. Живот у медведя был светлый и не такой лохматый, как бока.

Так я дошёл до львиных клеток. Я сразу узнал хромого льва. У него была большая, тяжёлая голова, а тёмная грива делала голову ещё больше и страшней. Усы у льва были редкими и седыми, а под нижней губой торчала маленькая борода, тоже седая. Вероятно, лев был старым.

Четвероногие артисты отдыхали. Одни закусывали, другие дремали. И только хромой лев беспокойно ходил по клетке. Теперь в его походке не было ленивой покорности, с какой он выступал на манеже. Каждый шаг льва был пружинистый и резкий, и хромота была почти незаметной. «Если сейчас кто-нибудь зайдёт к нему в клетку, лев раздерёт его на части», — подумал я. Зверь доходил до решётки и, стуча по доскам когтями, шёл к стене.

Шаги зверя слышал весь зверинец. Лошади заволновались, перестали молотить овёс, слон приоткрыл глаза, а медведь сел на пол.

Я любовался львом, его гордой статью, его воинственной походкой и сильным хвостом с рыжей кисточкой на конце. Теперь он был не ручным зверем, а самим собой.

В это время за моей спиной послышались торопливые шаги. Я оглянулся и увидел дрессировщика. Вместо блестящей рубахи на нём был старенький полосатый халатик с рукавами, закатанными до локтей. В одной руке он держал кусок кроваво-красного мяса, другой прижимал к животу грелку. Лицо у него было жёлтое и болезненное, как тогда в автобусе.

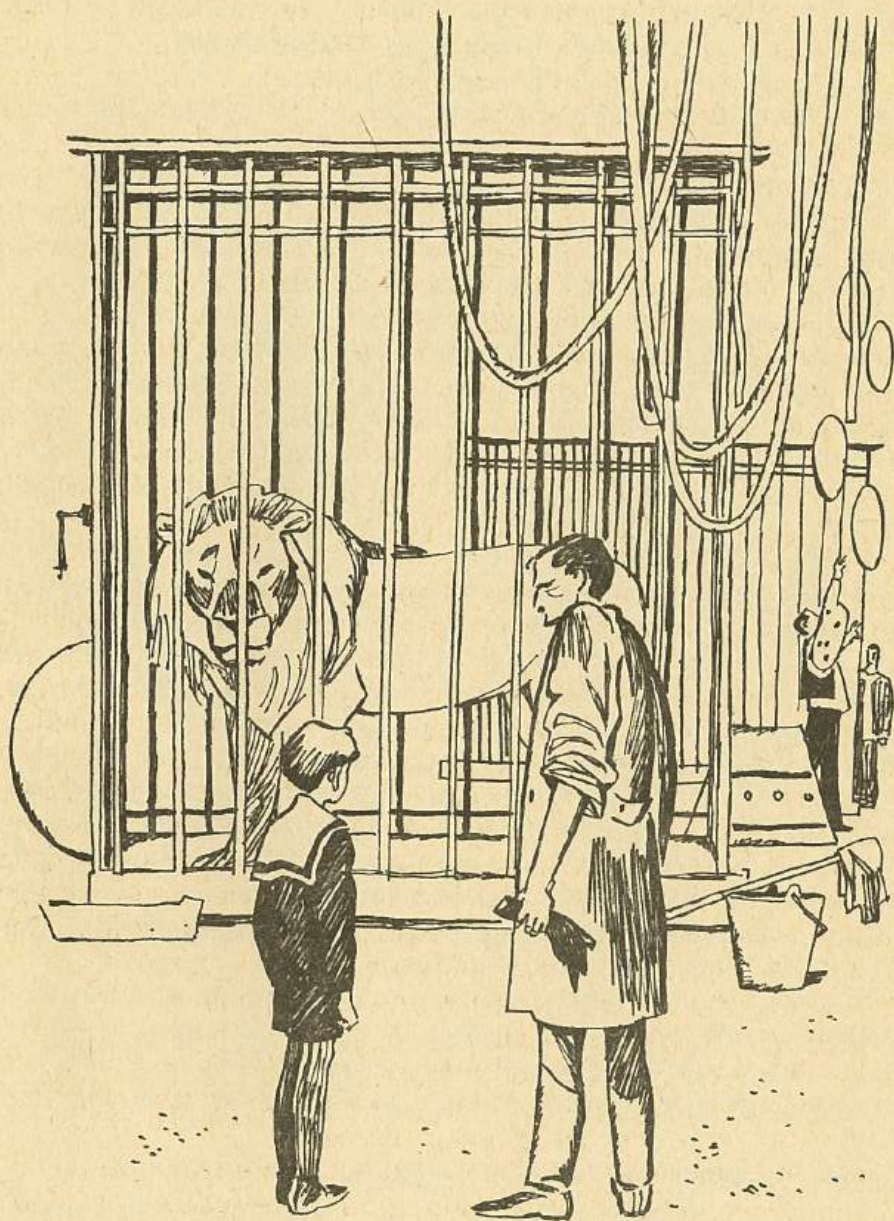
Он заметил меня и поспешно поднял брови:

— Ты что тут делаешь?

— Я... я пришёл посмотреть на льва.

Дрессировщик уронил брови и выставил локоть, словно боялся, что я толкну его в больное место.

— Интересуешься? — спросил он и осмотрел меня с головы до ног, словно я был львом и он решал, как бы половчей прибрать меня к рукам.

Я отступил.

— Это хорошо, что интересуешься, — сказал он и похлопал меня по плечу рукой, пахнувшей свежим мясом.

— Почему лев хромает? — спросил я.

— Неловко прыгнул... Это пройдёт! — ответил дрессировщик и внимательно посмотрел на льва.

Но зверь не видел его взгляда, он был занят мясом.

Я повернулся и зашагал прочь. Я не стал ждать автобуса, а пошёл пешком. Теперь все воспоминания о цирке перемешались, слились в большой разноцветный круг, а в центре этого круга был хромой лев. Я видел его усталые, печальные глаза, видел, как он втягивает в плечи свою большую голову, видел седую бородку и белые кошачьи усы и слышал жёсткое постукивание когтей по деревянному полу клетки. И в моём сердце накапливалось возмущение несправедливостью. Лев должен быть львом, и никто не может его заставить склонить гордую голову.

Я шёл и в мыслях по-своему переиначивал все события сегодняшнего вечера. Я не видел шагающих прохожих, бегущих автомобилей, горящих вывесок. Я видел большой красный круг, окружённый высокой решёткой. Заиграла музыка, и на манеж вышел... лев. Он прошёл по кругу, слегка кивая головой и холодно поглядывая на публику. Потом остановился в центре и ударил себя хвостом по рёбрам. Этот удар прозвучал как выстрел. И на манеж по железному коридору выбежал укротитель. Лев стоял в центре, а укротитель ходил по кругу до тех пор, пока лев снова не щёлкнул хвостом-хлыстом. Тогда укротитель лёг на опилки, а лев подошёл к нему и улёгся сверху. Лев заставлял моего знакомого пассажира бегать, кружиться, прыгать в огненное кольцо.

Наконец укротитель открыл рот. Так широко, словно показывал врачу горло. Лев медленно подошёл к нему и засунул в рот голову. Люди зажмурились. Затаили дыхание. Но укротитель не откусил голову льву. Цирк громко захлопал в ладоши.

Лев важно прогуливался по манежу. И не хроمال.

БОЛЬШИЕ ЧЁРНЫЕ ПЕРЧАТКИ

Старые вещи как затопленные корабли: они долго лежат на дне сундуков, забытые и ненужные. Но иногда они неожиданно всплывают. Так случилось с большими чёрными перчатками.

Что это были за перчатки! Пять растопыренных пальцев расходились, как пять лучей звезды. Запястье стягивали ремешки с никелированными пряжками. Но на этом перчатки не

кончались. Дальше шли высокие гладкие краги, которые доходили чуть ли не до локтей. А внутри вместо подкладки мягкий мех. Стоило натянуть перчатку, как рука начинала гореть, словно её поднесли к пылающей печке.

Может быть, эти перчатки принадлежали когда-то полярному капитану, а может быть, лётчику или танкисту. Они сжимали штурвал или засылали в орудие снаряды. А теперь их носит Вов.

В квартире было две комнаты. Одна из них называлась детской. В ней жили маленький Серёжа, старшая сестра Аля и Вов. В другой комнате жили родители. Когда вся семья собиралась обедать, родительская комната становилась столовой, когда приходили гости — превращалась в гостиную, когда папа работал — в кабинет. А ночью она была спальней.

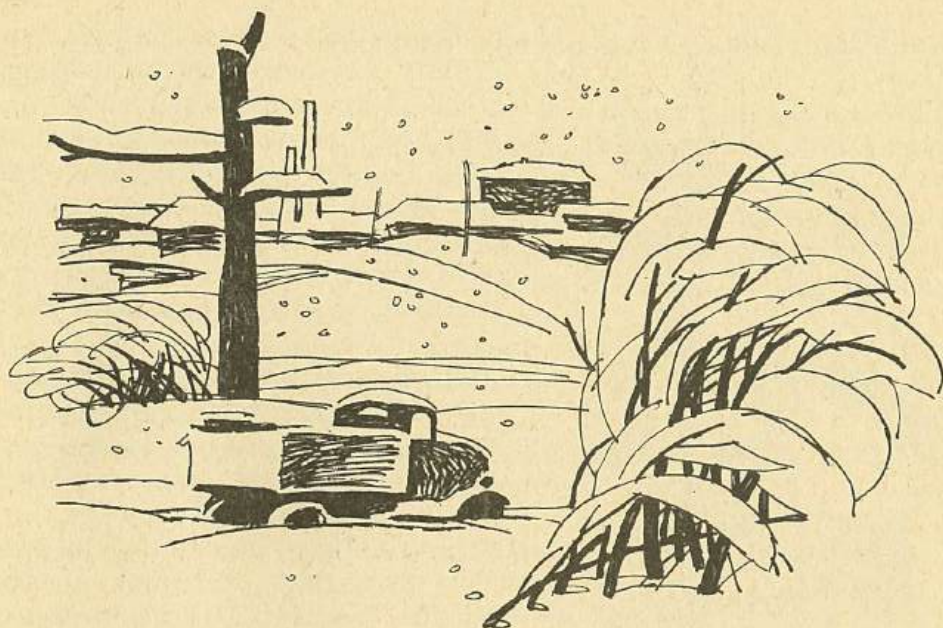
Детская всегда оставалась детской. Даже когда дети стали довольно большими.

«...А ещё мне хочется уехать к морю. Я никогда не купалась в большой солёной воде. Я хочу поплыть на пароходе и попасть в сильный шторм. Интересно, что со мной тогда будет? Я думаю, что выдержу... Ещё мне хочется красивое голубое платье и туфли на высоких каблуках. Я понимаю, что это мечтанство — мечтать о платье и туфлях, но мне всё равно хочется... Вообще у меня много желаний, а средств нет. Мы с мамой решили отложить всё это на потом, когда будут деньги...»

Это написала Аля. В сочинении. А Вов прочёл и решил накопить деньги ей на туфли. И всё было бы хорошо, но тут появилась Шкиперская борода. И жить стало плохо.

Маленький Серёжа боднул брата в плечо и спросил:

- Вов, ты скоро умрёшь?
- Зачем мне умирать? — удивился Вов.
- Вов, когда ты умрёшь, — объяснил Серёжа, — твои большие чёрные перчатки станут моими.
- Почему?
- По наследству.
- А я не собираюсь умирать.
- Жаль.

Вов рассердился:

— Кто тебе говорил про наследство?

— Он.

— Шкиперская борода?

Вов отвернулся от младшего брата и стал лохматить волосы. Ему хотелось поддать как следует Серёже. Но вместо этого он подошёл к окну, снял с батареи перчатки. Они ещё не просохли, но были тёплыми.

— Я тебе их когда-нибудь так дам, — сказал Вов.

— Ну ладно, — примирился Серёжа.

— Хочешь померить?

— Давай.

Маленькие руки утонули в больших перчатках, и Серёжа сразу стал похожим на краба с двумя чёрными клешнями.

Вов рассмеялся. А младший брат сказал:

— Хорошие перчатки.

Трое суток в посёлке шёл снег. Он завалил улицы, поля, дороги.словно белый океан вышел из берегов и разлился по

земле. У въезда в посёлок застряла машина — села на мель. Неподалёку стоял высокий прямой дуб, похожий на мачту фрегата. Снег белел на ветвях, как свёрнутые паруса. Паруса действительно следовало свернуть, потому что, когда снег перестал наконец сыпать, наступило безветрие. Штиль.

Но если сильный дуб выдержал натиск трёхдневного снегопада, то с другими деревьями дело обстояло хуже. Под тяжестью снега стволы изогнулись арками, а те, что послабей, не выдержали веса последних снежинок и сломались. Ёлки опустили тёмные лапы, словно в каждой лапе держали по гире.

Вов шёл по лесу и бил палкой по стволам и веткам. От его ударов снег падал. Деревья распрямились, а ветки ёлок покачивались, как на пружинах. Сам Вов был с головы до ног в снегу, но не обращал внимания: он освобождал пленников снегопада.

За этим занятием его застали Шкиперская бородка и Серёжа.

Серёжа был закутан по всем правилам, а руки с рукавицами он запихнул в карманы пальто. Бровей не видно, щёки красные, глаза — круглые синие глазницы — восторженно смотрели на своего спутника. Дундик — Шки-

перская бородка — покровительственно положил на плечо малышу руку.

Дундику лет шестнадцать. На его худом вытянутом лице редкая шкиперская бородка. Двумя рыжими струйками она стекала по щекам и острым клинышком свисала с подбородка. Хозяин очень дорожил своей бородкой, поминутно подносил к ней руку: проверял, на месте ли она. Одет он был в лыжную куртку с треугольным капюшоном за спиной. Из-под мышки у него торчало духовое ружьё.

— Здравствуй, Вов, — крикнул он, — что ты тут делаешь?

— Гуляю, — отозвался мальчик, смахивая с бровей морозную пыль.

— Гуляй, гуляй, — засмеялась Шкиперская бородка, — а мы пойдём птичек постреляем.

— Зачем ты их стреляешь?

— Настоящий мужчина должен быть охотником, — был ответ. — А тебе что, жалко?

Вов ничего не ответил. Он ударил палкой по изогнутой сосенке, и та сразу распрямилась, как катапульта, выпустившая снаряд.

— Зашагали, — скомандовал «настоящий мужчина» и запел себе под нос: «Мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями...»

Они ушли. А Вов поморщился и принялся воевать со снегом. Он ударял палкой по стволам и веткам, пока не выбился из сил.

Когда Вов вернулся из леса, Серёжа был уже дома. А на окне лежала птичка. У неё красная грудка и серая головка. На красной грудке — ещё более красное пятнышко.

— Смотри, трофей! — радостно сказал Серёжа брату.

Аля молчала. Она сидела на кровати, поджав ноги, и читала книгу.

— Аля, — тихо сказал Вов, — зачем он учит Серёжу убивать?

— Он охотник, — сказала Аля.

— Тогда пусть охотится на волков и тигров, а не бьёт снегирей.

— Где он тебе возьмёт тигров в нашем лесу, — раздражён-

но сказала сестра. — Ты злой человек. Ты всегда говоришь о нём всякие гадости.

— Он другого и не стоит.

— Ты стоишь! Посмотри на себя, что в тебе хорошего? Ты или молчишь, уставясь в одну точку, или ворчишь.

— Почему тебе так нравится Шкиперская борода?

— Тебе этого не понять. Дундик очень тонкий, интересный человек. Он — романтик. А ты грубый. У тебя волосы лежат на ушах, потому что ты не любишь подстригаться. Тебе тринадцать лет, а ты...

Она не нашла, что ещё сказать плохого о брате, и уткнулась в книгу. Серёжа играл с убитой птичкой. Он утешал птичку:

— Мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями.

Вов повернулся и пошёл на улицу.

По вечернему посёлку полз бульдозер. Из-под стального ножа поднималась белая волна снега. Вов шёл за бульдозером и думал: «Когда буду военным, надену длинную шершавую шинель. И сапоги — тяжёлые и громкие. Такие сапоги идут по лужам, по грязи, по снегу. Им всё нипочём. Они стучат, словно говорят: идёт солдат, идёт солдат».

Когда Вову становится не по себе, он всегда думает о том, как станет военным. Ему кажется, что военный всё решит по справедливости и докажет Але, что Шкиперская борода ничего не стоит.

В посёлке загорелся свет. И оказалось, что все окна разные. В одном заискрилась яркая лампочка. Другое было тусклым. В окне углового дома виднелся большой оранжевый абажур с отвисшими краями. Он был похож на медузу. И Вову казалось, что это не окно, а прозрачная стенка аквариума, в котором вместо рыб завели медузу. В соседнем окне вообще не было света, зато на тёмном стекле мерцала отражённая звёздочка. И Вов подумал, что неплохо освещать комнаты звёздами. Каждый выбрал бы себе звезду по вкусу: белую, зелёную, золотистую. И не нужно никаких медуз.

«Может быть, мне достанется шинель, которая была на войне, и оружие — старое, боевое, — которое било по врагу... Я куплю Але платье и туфли, а Серёже подарю большие чёрные перчатки. Всё будет как надо».

Ночью его разбудила Аля.

— Вов, ты спишь?

Он нарочно промолчал.

— Вов.

Он нехотя открыл глаза и увидел, что Аля сидит на постели. В белой ночной рубашке, свесив ноги.

— Что тебе? — спросил Вов.

— Вов... Он поцеловал меня... в щёку.

Вов почувствовал боль, словно кто-то коснулся его щеки калёным железом.

— Вов.

Больше он не отозвался.

На другой день его разбудил Серёжа:

— Вов, смотри, солнце сломалось.

Все его будили. Все сообщали ему разные неприятности.

Маленький Серёжа стоял во весь рост на подоконнике и смотрел в небо. С солнцем действительно творилось что-то неладное. Была видна только половина красного диска, а вторую половину как бы отрезали. Она была скрыта тёмным облаком.

— Вов, как его починить? — озабоченно спрашивал брат.

— Не знаю. Само починится.

— Само не чинится, — сказал Серёжа, — может быть, попросить Шкиперскую бородку?

— Глупости. Ничего он не починит.

— Починит, — убеждённо пролепетал малыш.

А вечером Аля как-то неестественно торопливо спросила:

— У тебя есть деньги?

— Зачем тебе?

— Мне очень нужно. Если есть, дай, пожалуйста.

Вов стал лохматить волосы.

— Понимаешь, я скопил немного денег... тебе на туфли... Пока только на одну туфлю...

— Мне сейчас не нужны туфли, — поспешно сказала Аля. — Если ты хочешь сделать мне подарок, дай мне деньги.

Она густо покраснела, Вов почувствовал себя скверно. Он молча полез в свой ящик, достал коробочку с деньгами и сунул её в руку сестре.

Серёжа наблюдал за всем с открытым ртом и, желая подбодрить Вова, сказал:

— Ты не жалея. Мы ружьё покупаем. Централку.

— Какую централку? — Вов вопросительно посмотрел на сестру.

— Он покупает ружьё, — она имела в виду Шкиперскую бородку, — ему не хватает денег.

Вов ударил кулаком по своей ладони.

— Ты же сам говорил, что настоящий охотник охотится на волков и тигров, — терпеливо объяснила сестра. — Как же он будет охотиться на хищников с духовым ружьём?

Серёжа сказал:

— Мы пойдём на сохатого. Вот увидишь.

Вов презирал себя, что дал деньги на централку Шкиперской бородке. Он сделал это помимо своей воли. Видимо, его воля не сильна, если он так легко сдался. Но не отбирать же у Али деньги.

Вов представил себе, как Шкиперская бородка вернётся с первой охоты.

— Поздравьте меня, я убил сохатого. («Разве с убийством поздравляют?») Была отличная охота. Нас было шесть человек. («Шестеро против одного!») Всё было обставлено в лучшем виде. Егеря выгнали зверя прямо к нашему рубежу. («Привели — убивайте!») И он пошёл на нас. Большой. Красивый. С огромными бурыми рогами. («Тебя бы на эти рога!») Он шёл медленно, не подозревая, что ждёт его впереди. («Подлецы!») Мы подпустили зверя так близко, что было слышно его прерывистое дыхание. Я выстрелил первым. («Так и знал...») Ноги лося сразу подкосились, и он тяжело упал на снег.

Вов не выдержит и крикнет:

— Да замолчи ты!

— Вов, Вов, надо укреплять нервы, — примирительно скажет Шкиперская бородка. — Одним словом, приглашаю вас отведать лосятины.

Вову покажется, что борода Дундика рыжая от крови лося.

— Не хочу, — буркнет Вов.

— Ты вегетарианец? — с усмешкой скажет «настоящий мужчина». — А ты будешь есть лося? — обратится он к Серёже.

Серёжа спросит:

— А лосятина без жилок?

— Без жилок.

— Тогда буду. И Аля будет.

Аля будет сиять. Ей будет казаться, что это ради неё Дундик совершил свой подвиг. И во время его рассказа её сердце наполнится гордостью.

— Поздравьте меня, я убил сохатого. («Я горжусь тобой».) Была отличная охота. Нас было шесть человек. («Только шесть против такого огромного зверя?») Всё было обставлено в лучшем виде. Егеря выгнали зверя прямо к нашему рубежу. («Как это должно быть опасно!») И он пошёл на нас. Большой. Красивый. С огромными бурыми рогами. («Я бы умерла от страха!») Он шёл медленно, не подозревая, что ждёт его впереди. («Какая у тебя выдержка!») Мы подпустили зверя так близко, что было слышно его прерывистое дыхание. Я выстрелил первым. («Да, да, ты во всём первый».) Ноги лося сразу подкосились, и он тяжело упал на снег.

— Как хорошо, что всё так кончилось! — воскликнет Аля. И вся просияет. И будет счастлива.

А Вов наденет свои большие чёрные перчатки и уйдёт.

В далёкие времена люди, недовольные жизнью, отправлялись на Кавказ. Там они испытывали судьбу на скалистых тропах, где их подстерегала меткая пуля горцев. Теперь другое дело. На Кавказ едут загорать, есть виноград. Никакой там опасности — одни удовольствия. Для неутешных людей нет специальных мест. Что оставалось делать Вову: он целился в Шкиперскую бородку, а попадал в сестру. Это обезоруживало его.

А маленький Серёжа спрашивал:

— Вов, скоро у меня борода вырастет?

— Нет, не скоро, — сердился Вов.

— А если скрести ногтями?

— Бесполезно.

— Я хочу убить лося.

— Этого ещё не доставало!

— А ты боишься убить лося? У тебя мозги набекрень.

Да?

— Тебе очень нравится Шкиперская бородка?

— Очень. А тебе?

— Ну и уходи к ней. Понял?

— Ладно. Только ты отведи меня.

Все ушли к Шкиперской бородке. Вов остался один. Он ходил с опущенной головой и всё думал, думал.

В посёлке поднялся ветер. Он бил в глаза и распахивал полы пальто, но мальчик не обращал на него внимания. Так он дошёл до дуба. Ветер срывал с веток снег, словно разворачивал паруса и готовил корабль к отплытию.

А через несколько дней Вов услышал, как Аля плачет. Она плакала, положив голову на локоть, чтобы не видно было лица. А Серёжа сидел рядом и ждал, когда она кончит плакать.

— Аля, что с тобой? — спросил Вов.

Девушка заплакала ещё сильнее. А потом выдавила из себя:

— Он сказал, что у меня кривые ноги...

— Я так и знал, что он выкинет что-нибудь мерзкое.

Вов стал ходить по комнате и лохматить волосы.

— Женские слёзы — вода, — произнёс Серёжа.

— Молчи, попугай! — прикрикнул на него брат.

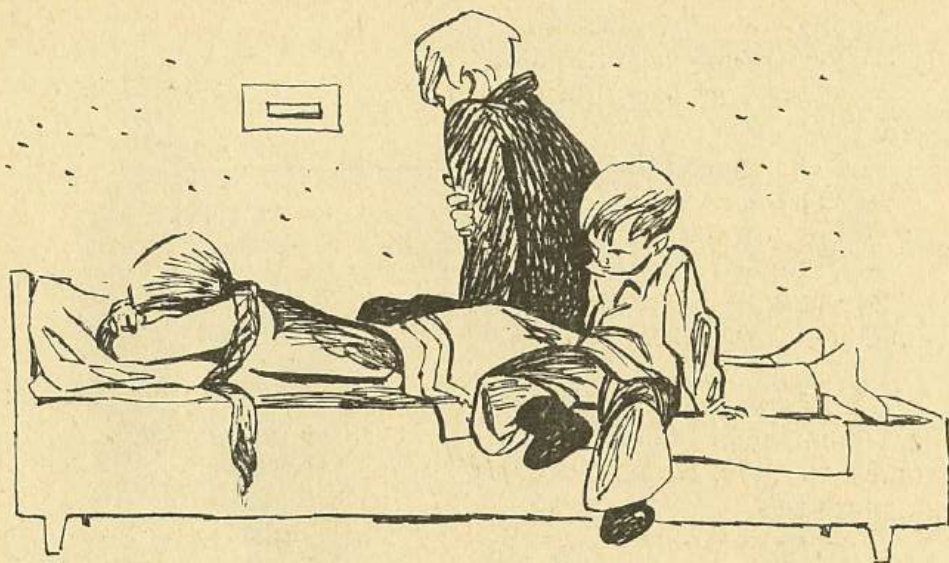
Аля всхлипнула и подняла голову. Глаза и нос у неё распухли, волосы растрепались. Все краны открылись, все насосы заработали и кривые ручейки слёз потекли по щекам.

— Я так и знал, — твёрдо сказал Вов.

Ему показалось, что он старший, а сестра Аля маленькая и беспомощная. И он стал гладить её по волосам.

А во взрослой комнате не знали, что происходит в детской. Там жили привычной жизнью, привычными заботами, привычным представлением о детях. И комната постоянно превращалась из столовой в спальню, из спальни в кабинет, из кабинета в гостиную.

Вов не спал. Большие чёрные перчатки лежали у него под

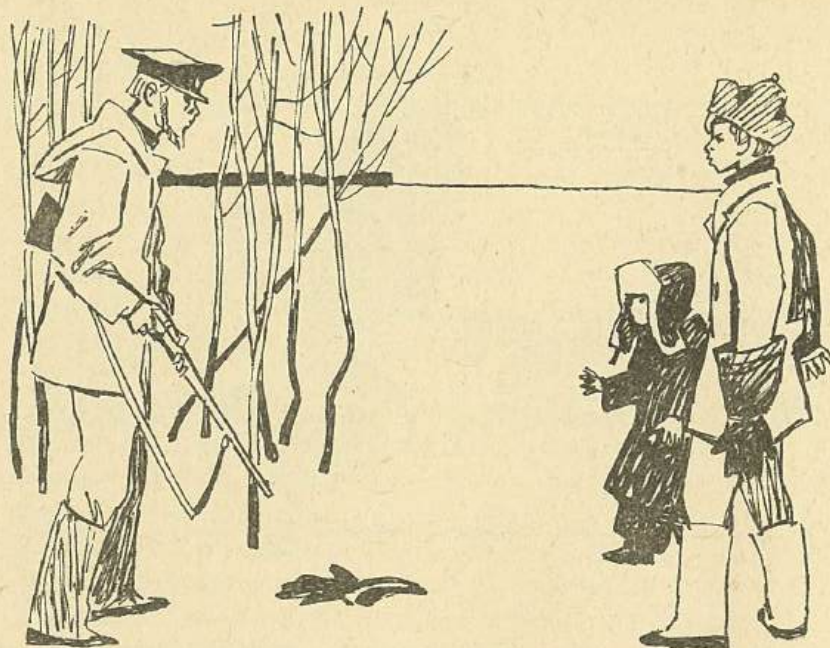
подушкой. Он нащупывал гладкие прохладные краги и вдыхал запах кожи. Ему казалось, что это не просто перчатки, а грозные, справедливые, бывшие в бою. Он наденет их и пойдёт к Шкиперской бородке. Он будет драться, как с врагом. Вов не думал о том, что Дундик старше его на три года и выше на целую голову. Видимо, смелые люди никогда не думают о таких вещах.

Надо скорее становиться военным.

А потом наступила весна. Она должна была наступить и наступила. И было слышно, как пригретый солнцем наст с шорохом оседал. На фоне голубого неба белели берёзы, словно их на зиму завернули в белую бумагу, а теперь не успели ещё распаковать.

И хотя от посёлка до моря было много сотен километров, тёплый сырой ветер пах морем. Местами образовались проталины — острова земли. Белый океан отступал.

В такой день Вов очутился в лесу. И снова он встретил Шкиперскую бородку. Из-под мышки, как огромный градусник, торчал ствол ружья. А сзади бежал Серёжа. Дундик

хотел проскользнуть мимо незамеченным, но Вов поднял голову, и глаза их встретились.

— Здравствуй, Вов. Что поделываешь? — как ни в чём не бывало крикнул Дундик.

— Гуляю.

— Гуляй, гуляй.

Вов натянул на руки большие чёрные перчатки.

— А мы на охоту, — сказал Серёжа.

Охотники уже собрались двинуться дальше, но Вов преградил Дундику путь:

— Стой.

Дундик остановился.

— Чего тебе?

— Стой.

Вову хотелось произнести целую обвинительную речь, но вместо этого он стянул с руки большую чёрную перчатку и, как это делали рыцари и мушкетёры, швырнул её в лицо врагу.

Дундик поморщился. Перчатка упала. На снегу зажглась чёрная звезда.

— Ты что? — сквозь зубы процедил парень и нагнулся, чтобы поднять перчатку.

— Не тронь... Вызываю тебя, — сказал Вов.

— Я не собираюсь драться.

— Чёрт с тобой, — сказал Вов и двинулся на своего противника.

— Пеняй на себя, пеняй на себя, — скороговоркой произнёс Дундик, и Вов заметил, что лицо под рыжей бородкой побелело.

Вов подскочил к нему, размахнулся и со всей силы ударил врага по жёлтому плоскому уху.

— Это тебе за кривые ноги.

Дундик не дал ему сдачи. Он отскочил в сторону. Стянул с плеча ружьё.

— Пеняй на себя.

— Не убивай Вова! — крикнул Серёжа.

— Не хнычь, — через силу сказал Вов, не сводя глаз с воронёного глазка.

Ему вдруг захотелось стать очень маленьким, свернуться в комочек или броситься бежать, спрятаться за частыми стволами... Но на мгновение он почувствовал себя солдатом, оторвал глаза от ружья и твёрдо посмотрел в прищуренные глазки Шкиперской бородки.

— Вов, он не убьёт тебя? — тихо спросил Серёжа.

— Он только снегирей убивает.

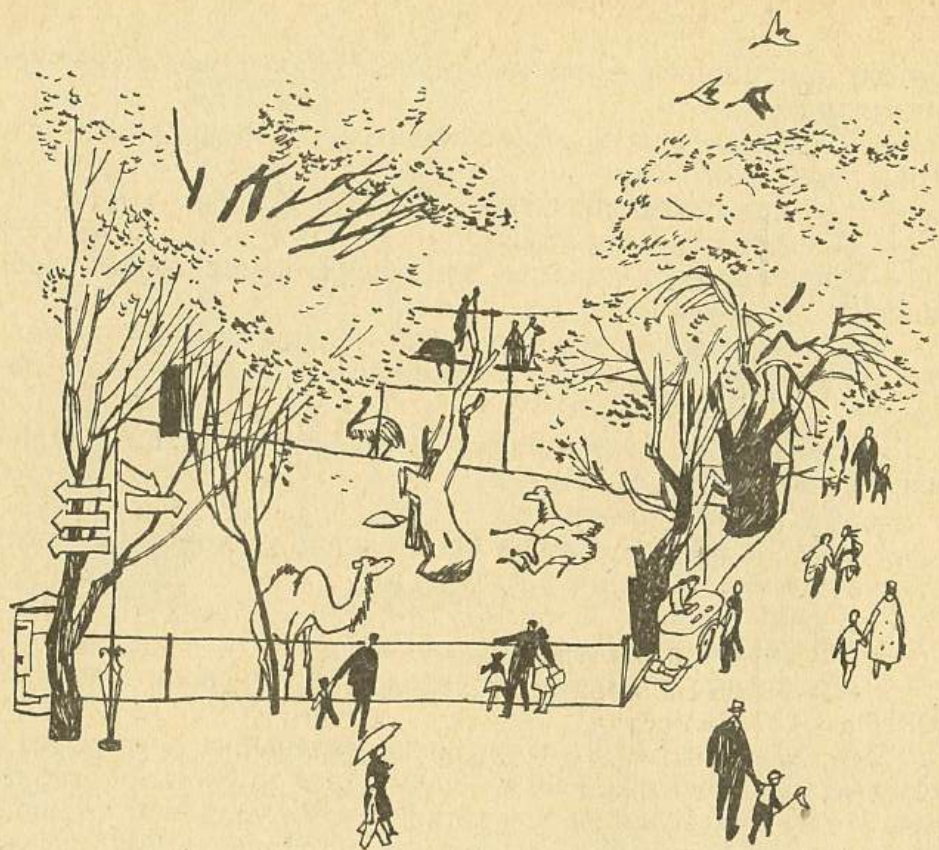
— Пусть не лезет, — прохрипел Дундик и опустил ружьё.

Вов повернулся спиной к Шкиперской бородке и к его ружью. А тот стоял в нерешительности, с опущенным ружьём и не знал, что ему делать. У его ног на белом снегу горела чёрная звезда — большая чёрная перчатка.

Маленький Серёжа подхватил перчатку и с угрозой крикнул Шкиперской бородке:

— Мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями!

Вов потрепал по плечу маленького брата, и они зашагали по узкой талой тропе.

Я ИДУ ЗА НОСОРОГОМ

*

После лета очень трудно привыкнуть к своему месту за партой. Оно такое тесное и неудобное, что чувствуешь себя, как в ботинке, который жмёт. И к тому же невозможно дожидаться звонка. Может быть, он за лето испортился и звенит так тихо, что его не слышно, и теперь уроку не будет конца?

«Сложение — вычитание, деление — умножение». Эти слова никак не укладываются в голове, как будто они из другого языка.

Когда становится совсем скучно, можно повернуть голову к окну и как бы очутиться на улице. Тогда вместо зелёной классной доски увидишь мокрые крыши, трубы, антенны, похожие на букву «Т». Если сложить эти уличные большие буквы, то получится длинное слово из одних «Т»: те-те-те-те...

Сейчас на улице идёт косой дождь. По стеклу ползут кривые ручейки, и можно загадывать, какой из них потечёт влево, а какой свернёт направо.

— Алексей Бочаров, куда ты смотришь?

— А?!

Он вздрагивает, как разбуженный среди ночи, резко поворачивает голову и с дождливой улицы попадает в сухой класс. Он, не моргая, смотрит на Валентину Васильевну сколько хватает сил. За первые числа сентября он успел получить множество замечаний. Будь они круглыми, как камушки, у него раздулись бы карманы от замечаний. Сейчас его опять будут ругать...

Но Валентина Васильевна неожиданно спросила:

— Алексей Бочаров, расскажи мне про носорога.

Он медленно встал, подтянул штаны и задумался. Что можно рассказать о звере, которого не проходили в школе и с которым никогда не встречался? И он выпалил:

— У носорога вместо носа рог!

Он был уверен, что ответил правильно. Но Валентина Васильевна покачала головой.

— Нет, — сказала она, — у носорога есть и нос и рог. А иногда у него даже два рога. Носорог огромный, сильный зверь, но он может испугаться собаки...

— Собаки? — переспросил Алексей Бочаров.

— Ну да, собаки. Зато носорог может броситься на танк.

— На танк?

Он вытянул губы, словно собирался сыграть на дудочке, и сразу представил себе тяжёлый танк с длинной пушкой впереди. На броне намалёван чёрный крест, потому что танк фашистский. Танк гремит гусеницами и ползёт прямо на него. Но тут из зарослей выбегает носорог. Он насккивает на танк, ударяет его крепким рогом в бок, и огромная грохочущая машина переворачивается вверх тормашками.

Носорог сразу становится приятен Алексею Бочарову. Зачем только он боится собак, раз ему не страшен танк?

— Но самые страшные враги носорога, — говорит Валентина Васильевна, — москиты.

— Это такие комары?

— Вроде этого, — отвечает учительница и продолжает свой рассказ: — Целые тучи москитов налетают на носорога. Они жалят его со всех сторон. И чтобы спастись от них, зверь бежит к реке и зарывается в прохладную тину.

— Это хорошо, что есть прохладная тина, — с облегчением говорит Алексей Бочаров.

Но Валентина Васильевна качает головой:

— В тине носорога подстерегают пиявки. Сотни пиявок впиваются в его тело...

— Как же быть?

Валентина Васильевна молчит. Она тоже не знает, как быть, и пристально смотрит на мальчика. И тут он замечает, что она начинает улыбаться. Незаметно, уголками глаз.

— Как же быть? — Он торопит учительницу, потому что ему не терпится узнать, как спасти носорога от пиявок.

— У него есть защитник, верный друг, — доверительно говорит Валентина Васильевна.

— Слон?

— Нет, не слон.

— Тигр?

— Нет, не тигр.

Кто же друг носорога, который может одним махом раздавить всех пиявок? Мальчик смотрит в окно, но уже не видит кривых ручейков и не читает длинное слово, состоящее из одних только «Т». Он думает о друге носорога.

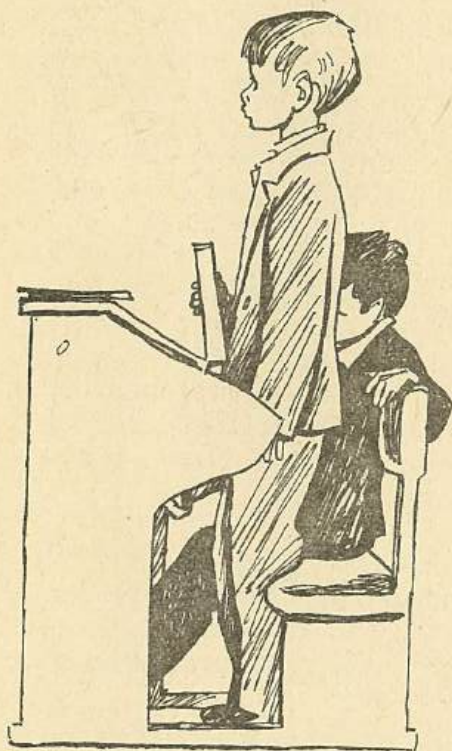
— Его зовут бюфаг, — говорит Валентина Васильевна. Алексею Бочарову хочется стукнуть крышкой парты и крикнуть: «Да здравствует бюфаг!» Но он никак не сообразит, что это за зверь. Может быть, он похож на крокодила? А Валентина Васильевна молчит и ничего не говорит о друге — бюфаге. Лишь бы не зазвенел звонок, а то она не успеет...

— Бюфаг не только спасает носорога от москитов и пиявок, но и предупреждает его об опасности, — говорит Валентина Васильевна и берёт в руки мел. — И вот два носорога вышли из зарослей. — Валентина Васильевна написала на доске цифру «2». — В это время бюфаг подал сигнал тревоги: идут бегемоты! В зарослях скрывалось ещё пять носорогов, — она написала «5», — а ещё три носорога лежали в речном иле. — На доске появилась белая тройка. — Услышав сигнал тревоги, всё стадо собралось вместе.

Что же было дальше? Но вместо того чтобы рассказывать, Валентина Васильевна спросила:

— Сколько носорогов было в стаде? И на чьей стороне оказалось превосходство, если бегемотов было восемь?

Ни минуты не раздумывая, Алексей Бочаров окунул перо в чернила и стал записывать историю, которая произошла с носорогами. Надо было скорее собрать всё стадо и пересчитать его. Два носорога вышли из зарослей... Если прибавить к ним пятерых, которые не успели выйти, то получится

семь носорогов! Но это ещё не всё. Ведь ещё три носорога лежат в речном иле и их жальят пиявки. Если прибавить их к семерым, то получится десять.

Он старался изо всех сил. Если замешкаться или ошибиться, стадо не успеет собраться вместе и бегемоты одолеют носорогов.

Носорогов десять, бегемотов восемь. На чьей стороне превосходство? Десять минус восемь равняется два.

— Валентина Васильевна! — Он подскочил с места. — Валентина Васильевна, носорогов больше. Носороги победят!

*

Поздно вечером, когда в доме гасят свет, в комнату входит уличный фонарь. Он высокий, и ему ничего не стоит попасть на второй этаж. Если дует ветер, фонарь качает головой. Когда зимой сыплет снег, фонарь виден еле-еле, и кажется, он перешёл на другую сторону и никак не может вернуться на своё место.

Алексей Бочаров лежал с открытыми глазами, смотрел на фонарь и думал о бюфаге. А потом он увидел его во сне. Это было очень страшное существо с белыми клыками и красным языком, с когтистыми лапами и полосатой шкурой. Что-то вроде тигра. Бюфаг шёл по земле и рычал. Он разыскивал друга.

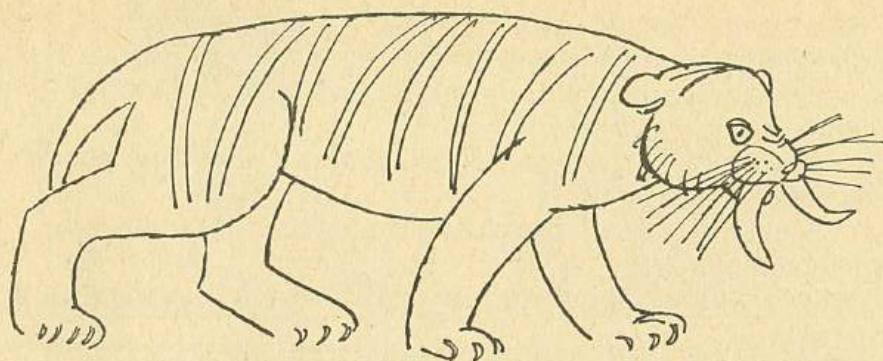
А носорог в это время стоял по грудь в воде, и из его глаз, как с кончика крана, падали в воду крупные капли. Его жалили пиявки, и ему было нестерпимо больно.

Но вот показался бюфаг. Он спешил на выручку и ревел. И от этого звериного рёва мерзкие пиявки в ужасе попрыгали в реку и забились в тёмный густой ил. Носорог перестал плакать и с улыбкой зашагал навстречу другу. И они тёрлись друг о друга боками и урчали от удовольствия...

*

Когда мальчик проснулся, фонаря в комнате уже не было. Он ушёл на своё место, а вернее — погас. Вместо фонаря светило красноватое солнце. Оно было похоже на ломтик арбуза, только без зелёной корочки.

Алексей Бочаров вскочил с постели и в одних трусах побе-

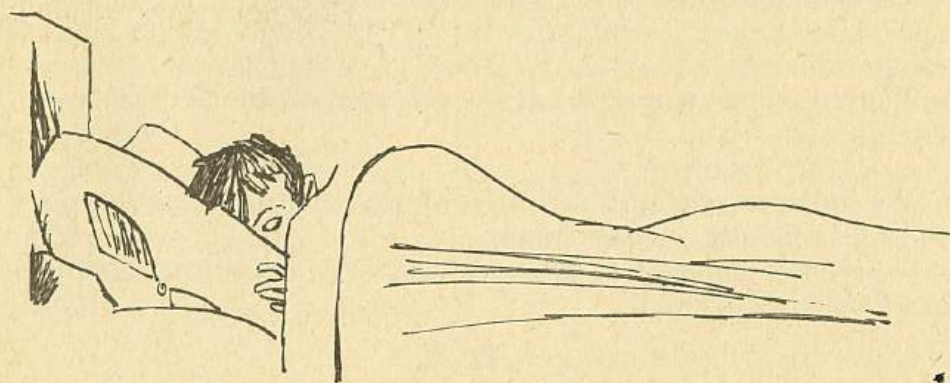

жал к столу, чтобы поскорей нарисовать бюфага, пока не забыл, как он выглядел во сне. Он помнил, какие у зверя клыки и язык, но забыл, какого цвета шкура. А может быть, во сне вообще не было красок: ведь не каждую ночь снятся цветные сны. Под рукой оказался красно-синий карандаш. И он раскрасил бюфага в красный и синий цвета. Нужно было ещё нарисовать носорога, но уже не хватало времени. Зато в последнюю минуту он наставил на листе бумаги много-много синих запятых. Это были пиявки, которые с ужасом убегали от бюфага.

Готовый рисунок он вложил в дневник, чтобы не забыть показать его Валентине Васильевне.

*

Он был уверен, что, как только начнётся урок, Валентина Васильевна заговорит о носороге, вообще на уроке все будут заниматься только носорогом, и это будет очень интересно. И ко-

гда Валентина Васильевна сказала: «Алексей Бочаров, к доске», он взял дневник и смело вышел из-за парты. Ему не терпелось рассказать о носороге, и он, не дожидаясь вопроса учительницы, начал отвечать:

— Носорог — огромный сильный зверь, но он может испугаться собаки.

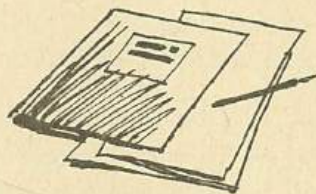
— Очень приятно, — сказала Валентина Васильевна, — а теперь реши пример.

Он вздохнул и взял в руки мел. Валентина Васильевна продиктовала:

— Восемьдесят восемь плюс сорок четыре.

Он вывел на зелёной доске две восьмёрки и две четвёрки и стал думать: «Восемьдесят восемь носорогов повстречали сорок четыре бюфага. Почему так мало бюфагов? Значит, не у каждого носорога есть друг...»

— Что же ты не решаешь?

— Сейчас решу.

«Но если к восьмидесяти восьми носорогам прибавить сорок четыре бюфага, то получится... два пишем, один в уме... то получится... восемь и один — девять... девять и четыре — тринадцать... то получится сто тридцать два неразлучных друга!»

Он сильнее сжал мелок и написал: «132».

— Правильно, — сказала Валентина Васильевна, и по её глазам он понял, что она тоже думает о носорогах.

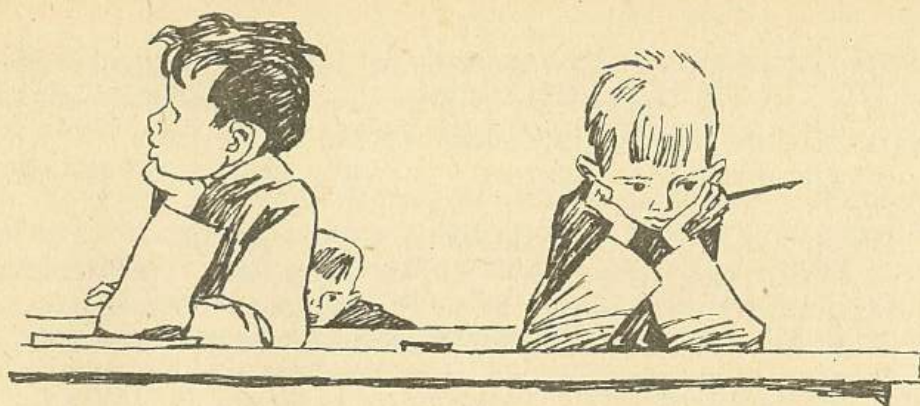
Учительница открыла дневник и вдруг удивлённо посмотрела на мальчика:

— Что это такое?

Он привстал на цыпочки и заглянул через её плечо.

— Это бюфаг, — сказал он.

— Какой же это бюфаг, — не согласилась учительница, — ведь бюфаг — птица.

— Птица?

— Ну да, птица.

Ему сразу стало не по себе, словно он ошибся в друге. Он-то думал, что бюфаг — зверь, а тот оказался птицей. Алексей Бочаров опустил голову. Валентина Васильевна положила ему на плечо руку и легонько потрясла его.

— Ты знаешь, — сказала она тихо, словно хотела доверить ему важную тайну, — бюфаг — очень хорошая птица. Она, как всадник, садится на спину носорогу и на ходу клюёт пиявок и москитов. Нарисуй птицу.

— Нет, — сказал мальчик, — лучше нарисую носорога.

*

В начале года школьная форма очень неудобна: рукава длинные, жёсткий воротник колет шею, а штаны только успевай подтягивать — спадают. Каждый с удовольствием надел бы старую форму. Пусть она маловата, пусть коленки и локти протёрты и заштопаны, зато в ней чувствуешь себя человеком. Но дома говорят: «Без разговоров!» — и напяливают на тебя новую форму.

Он сидел в новой куртке, и ему хотелось взять ножницы и подрезать рукава, которые доходили до пальцев. Ему было прямо-таки тошно в новой форме, но он стал думать о носороге и в конце концов забыл о форме. А его сосед по парте — Попотенко — сопел и вертелся.

Волосы у Попотенко стоят торчком, а глаза чёрные. Кажется, из таких глаз вместо слёз текут чернила. Попотенко не думал о носороге, и сидеть ему очень тяжело.

В первом классе Попотенко вообще не досиживал до звонка.

Посередине урока он поднимался и шёл к двери.

— Попотенко, ты куда? — спрашивала его удивлённая учительница (тогда ещё не было Валентины Васильевны).

— Я хочу... — хныкал Попотенко и скрывался за дверью.

А когда он ничего не хотел, то тоже вставал и уходил.

— Ты куда?

— Я пошёл к бабушке, — отвечал он и шёл дальше.

Ничего нельзя было с ним поделать!

Теперь Попотенко никуда не уходит. Вырос. Он сидит рядом с Алексеем Бочаровым и пыхтит. И ничего не знает про носорога.

Алексей Бочаров не смотрит в окно. Нет смысла. Если бы по улицам разгуливали носороги с бюфагами на спине, тогда можно было бы вытянуть шею и даже привстать.

Хорошо бы встретить носорога, пойти за ним по полям и лесам и почёсывать его за ухом...

— Валентина Васильевна, у носорога есть уши? — на всякий случай спросил он.

— Есть.

— Большие?

— Не помню. Честное слово, не помню... Слушай, Алексей Бочаров, сходи в зоологический сад, посмотри, какие уши у носорога.

*

Никогда не надо съедать завтрак после первого урока. Надо сдерживаться, даже если в бумаге завернут бутерброд с вкусной розовой колбасой. Завтрак может пригодиться для более важного дела. Например, для того, чтобы угостить носорога.

В зоологический сад он шёл под дождём. Дождь безжалостно мочил новую форму и тонкими струйками тёк за ворот. Но не обязательно обращать на него внимание. Пусть льёт.

Можно уговорить себя, что никакого дождя нет и над головой не тяжёлые тучи, а белые весёлые облака. И ничего страшного, что между лопаток течёт вода и куртка стала липкой и холодной.

Когда он добрался до зоологического сада, там уже никого не было. Посетители испугались дождя и разошлись. Остались одни звери. Тигр успел промокнуть, шерсть слиплась на животе и свисала сосульками. А бегемот спрятался от дождя в воду, и только выпуклые, как два бугорка, глаза посматривали, что делается кругом.

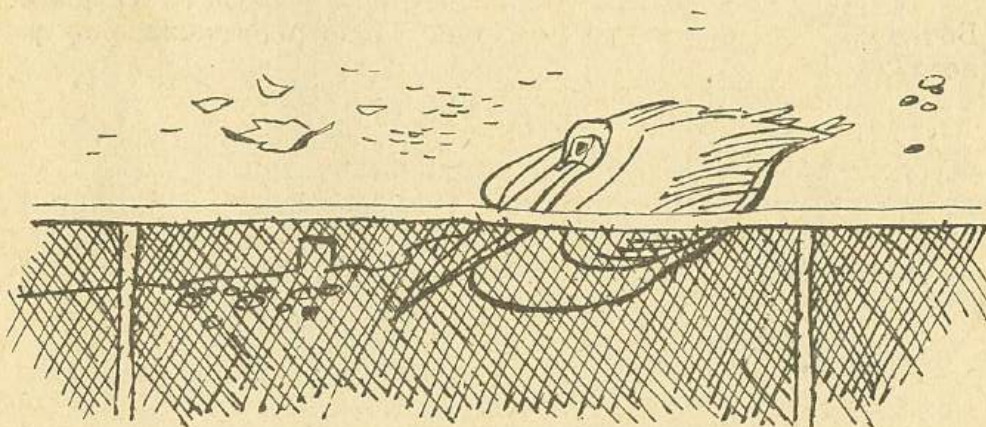
Алексей Бочаров долго бродил по пустым звериным улицам и всё искал, на какой улице живёт носорог. Ему попадались верблюжьи, слоновьи, птичьи, обезьяньи улицы, а носорожьей всё не было.

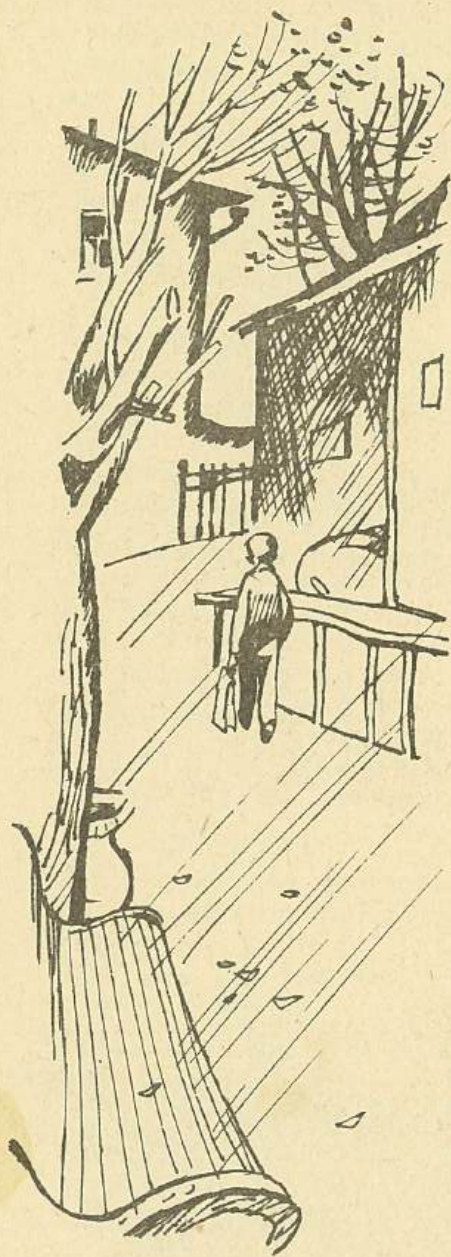
Куртка намокла и из серой превратилась в чёрную. Она прилипла к лопаткам и жгла, как горчичник. И было жутковато оставаться наедине с сотнями зубастых и когтистых зверей, хотя они сидели в клетках.

*

Где же, в конце концов, живёт носорог? Может быть, он открыл клетку и ушёл? И теперь разгуливает по трамвайным путям, а дождь стекает по его круглым бокам.

И вдруг на толстых железных прутьях он увидел две

таблички. На одной было написано: «Африканский двурогий носорог, по кличке «Носик». На соседней табличке была другая надпись: «Дразнить и кормить зверей строго воспрещается».

Разве дразнить и кормить — одно и то же? Мальчик просунул голову между железными прутьями и стал искать хозяина клетки. Носорог мог и не убежать в город, а забиться куда-нибудь в уголок подальше от дождя...

Холодные струи текли по спине. Дождь мочил вкусный бутерброд, который мальчик держал в протянутой руке, чтобы угостить носорога.

А носорог не шёл. Тогда Алексей Бочаров решил позвать его по имени.

— Носик! Носик! — крикнул он и прислушался.

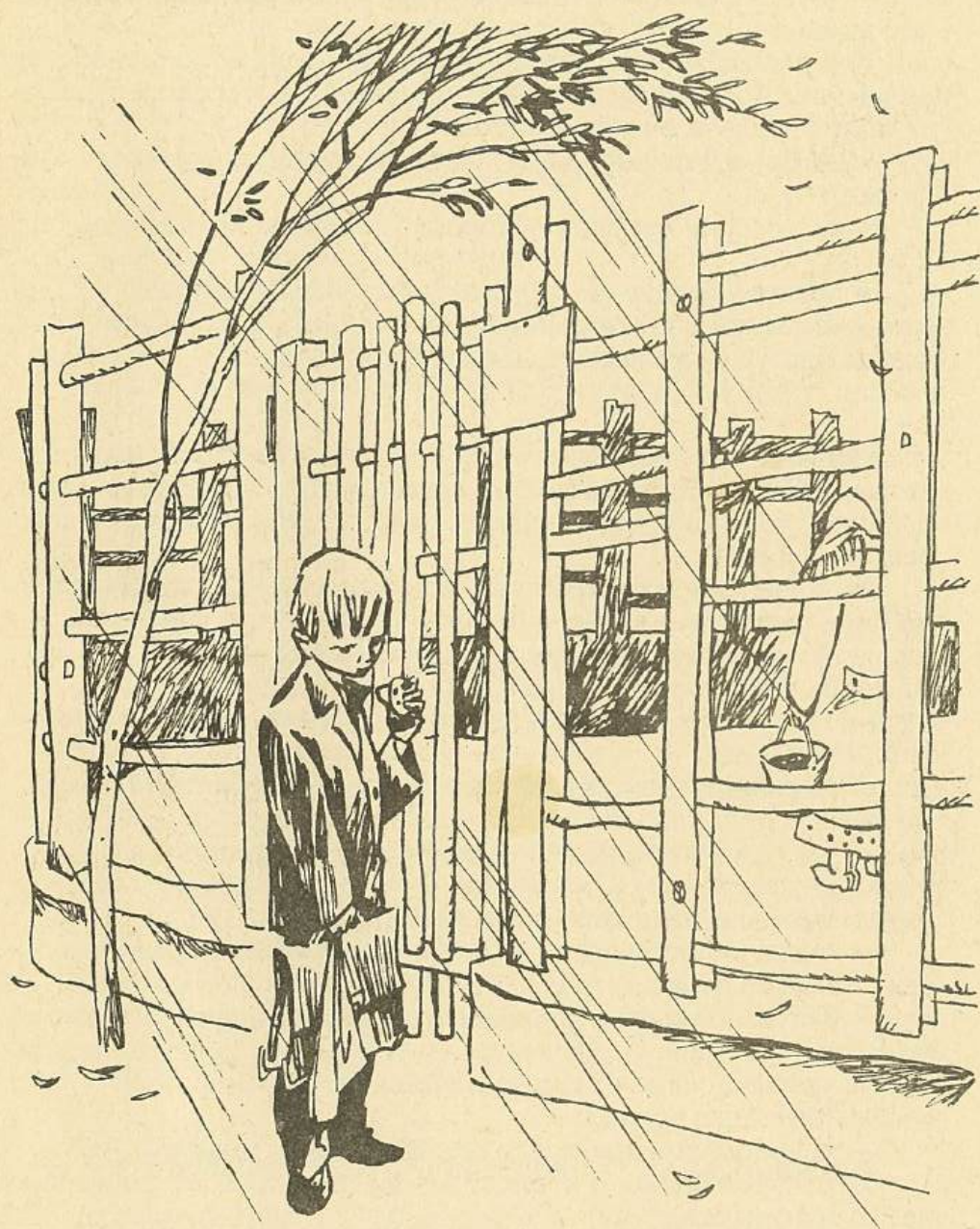
И вдруг дверь в задней стене клетки открылась, и из неё вышла старушка в синем халате.

— Чего тебе? — недовольно спросила она.

— Носорога, — ответил мальчик и от удивления вытянул губы, словно собирался сыграть на дудочке.

— Носорог болен.

— Болен? Разве носороги болеют?

— Все болеют! — отрезала старушка и захлопнула за собой двери.

А он всё стоял и держал в руке бутерброд. От расстройства он сам стал откусывать от бутерброда, но не чувствовал запаха колбасы, хотя очень её любил.

— А где же птица бюфаг? — тихо крикнул он вслед старушке.

Если носорог болен, то, может быть, можно угостить его друга?

Но старушка больше не появлялась. Наверное, она ушла к больному и поит его горькими лекарствами. А мальчик стоял под дождём и не заметил, как съел бутерброд.

*

Конечно, приятнее ждать хорошего исхода. Но лучше скрепить сердце и подготовиться к худшему. Если носороги такие большие, то и болезни их тянутся очень долго; им куда тяжелее, чем людям.

Он поднимался по лестнице, когда его окликнула Валентина Васильевна:

— Алексей Бочаров, ты нарисовал носорога?

Мальчик покачал головой.

— Поленился, — сказала учительница. — А какие у него уши, запомнил?

— Я не видел его ушей. Он болен, — печально сказал мальчик и закашлялся.

— Ты сам болен. Наверное, бегаешь без пальто.

Конечно, он бежит без пальто и без фуражки. Но какое это имеет значение, если носорог болен!

— Ничего, поправится, — утешила его Валентина Васильевна, — он сильный.

— Тогда посмотрю, какие у него уши, и нарисую, — сказал мальчик.

На уроке он сидел хмурый и время от времени кашлял, а сосед Попотенко ворчал:

— Не кашляй в мою тетрадку. Кашляй в сторону.

Он отворачивался и кашлял в закрытое окно. А Попотенко лез со своими советами:

— Пойди к врачу. Тебе освобождение дадут.

Он не хотел никакого освобождения. Здесь в классе был человек, который всё понимал и вместе с ним жалел больного носорога. Зачем же брать освобождение и уходить от такого человека?

И как только он об этом подумал, Валентина Васильевна сказала:

— Заболел носорог...

Он поднял глаза и насторожился.

— Чтобы вылечить его, доктор прописал лекарство, — продолжала учительница, — десять стаканов микстуры, двадцать пять стаканов горячего молока и пять стаканов свежего мёда. Сколько стаканов потребовалось носорогу для лечения?

Перо само начало писать. Нет, Алексей Бочаров переписывал не задачу, а составлял рецепт. Он лечил своего незнакомого друга с острыми рогами на кончике носа.

*

Носорог спал, вытянув короткие лапы и положив на них тяжёлую голову. Его закрытые глаза затерялись в складках кожи. И было непонятно, в каком месте у него глаза. Большие покатые бока поднимались и опускались, поднимались и опускались. Носорог дышал ровно и спокойно.

Интересно, что снится носорогу? Родная жаркая Африка или сердитая старушка в синем халате?

Алексей Бочаров стоял перед клеткой и ждал, сжимая в руке бутерброд с розовой колбасой. А потом он просунул сквозь прутья голову, сколько позволяла шея, и позвал:

— Носик, Носик, Носик!

Животное тяжело вздохнуло, зашевелилось и подняло веки. Глаза носорога оказались большими, внимательными, настороженными. Они смотрели на мальчика и светились радостью.

*10 стаканов + 25 стаканов + 5 стаканов = ?
микстуры молока мёда*

— Носик! — крикнул мальчик и протянул руку, в которой был зажат его завтрак. — Носик, хочешь колбаски?

Носорог встал на ноги — у него это получилось легко и бесшумно, словно огромная туша весила сущие пустяки, — и медленно двинулся к мальчику. Он шёл и его лопатки, как шары, перекатывались под толстой кожей. Кожа была рыжеватой, как броня, слегка поржавевшая от долгих дождей. На морде сверкали два острых рога, один подлиннее, другой покороче.

В этот момент мальчик понял, что носорог самый красивый зверь на свете и что за его грозной внешностью скрывается доброта и кротость. Если к нему относиться по-человечески, он не пустит в ход свои страшные рога.

Мальчик смотрел на Носика, а Носик смотрел на него. Они стояли друг против друга и разговаривали. Тихо, про себя.

«Как твоё здоровье?» — спрашивал мальчик.

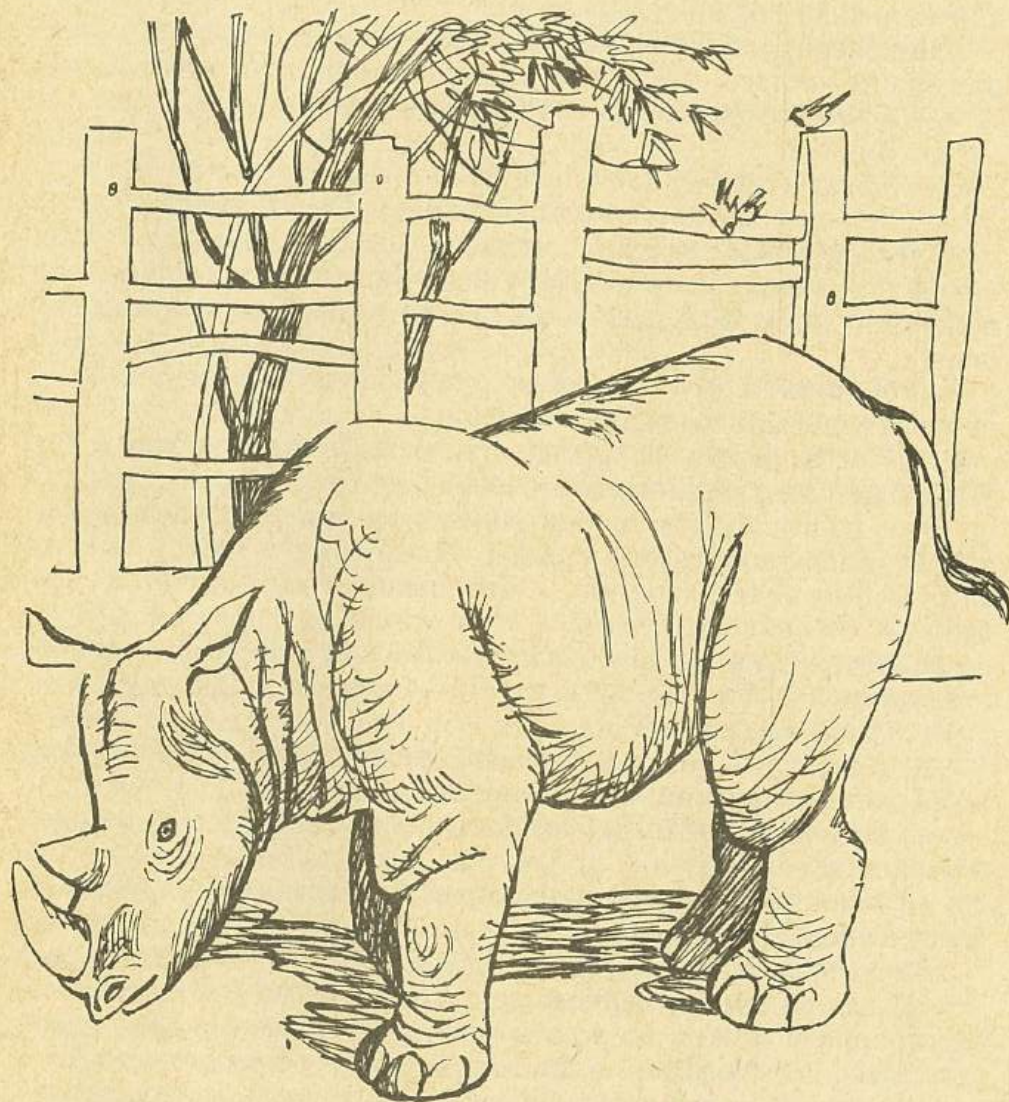
«Ничего, — отвечал носорог, — температура нормальная. Выпускают на улицу».

«А тебе старушка не передавала, что я заходил?»

«Как же, передавала».

Тут он вспомнил про бутерброд и протянул его своему новому другу:

6 Я иду за носорогом

«На, попробуй. Колбаса свежая, без жира. Докторская». Носорог втянул в себя запах колбасы. Но есть не стал.

— Он вегетарианец. Не ест мясного, — слышался за спиной мальчика ворчливый голос.

Он повернулся и увидел старушку в синем халате. На этот раз она появилась не в клетке, а пришла по аллее.

— А что же он ест? — спросил мальчик.

— Веники.

— Какие веники?

— Зелёные. Из веток молодой акации. Очень любит.

Алексей Бочаров решил тут же наломать другу зелёный веник, но, оглядевшись вокруг, увидел, что листья на деревьях пожелтели и до будущей весны негде раздобыть свежей зелени.

— Я принесу ему из дома фикус, — предложил мальчик, — он у нас зелёный и свежий.

— Носик не ест фикусов, — сухо сказала старушка. — И вообще дразнить и кормить зверей строго воспрещается.

Этот разговор был неприятен не только мальчику, но и носорогу. Зверь повернулся спиной к старушке, и теперь вместо клыков был виден хвостик — маленький и сухой, как у арбуза.

Мальчик сунул в карман ненужный бутерброд и спросил старушку:

— А где же бюфаг?

— Бюфаг? — поморщилась старушка, будто это слово было ей очень неприятно. — У нас нет такого вида.

— Это не вид, это птица. Она спасает носорога от пиявок и moskitov...

— У нас нет пиявок и moskitov! — отрезала старушка и быстро засеменила прочь.

Алексей Бочаров опустил голову.

«Когда рядом нет верного друга, то даже самый сильный и бесстрашный может попасть в беду. И никакие рога не помогут. Здесь нет бюфага, но должен же быть у носорога друг!»

Так думал мальчик, стоя у железной клетки. В это время Носик повернулся и одобрительно кивнул головой. И они стали друзьями.

— Как поживает Носик? — спросила однажды Валентина Васильевна, встретив Алексея Бочарова на лестнице.

— Хорошо поживает, — сказал он, — поправился.

— А какие у него уши? — продолжала расспрашивать учительница.

Уши? Он совсем забыл про уши. Думал-думал об ушах и забыл.

— У него красивые уши! — выпалил мальчик. — А сам он вегетарианец. Это значит — не ест колбасы.

И мальчик стал рассказывать о носороге всё, что ему удалось узнать. И то, что носорог весит полторы тонны и что он, как лошадь, ест овёс и сено, а ещё картошку и крупу и даже пьёт рыбий жир для укрепления здоровья.

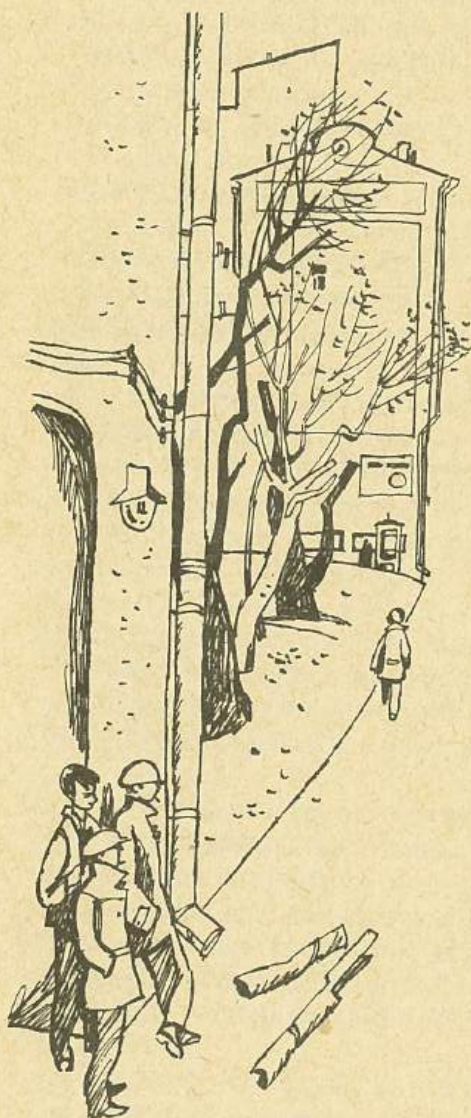
А Валентина Васильевна слушала его и не перебивала. Руки у неё были заняты: в одной руке — портфель, а в другой — под мышкой — огромная стопка тетрадей. И она не могла положить руку ему на плечо и потрясти его легонько. Но глаза её весело поблёскивали и одобряли.

В доме номер двадцать пять меняли водосточные трубы. Новые трубы были похожи на серебристую кору высоких прямых деревьев, а старые — потрескавшиеся, облупившиеся — валялись на земле. Будто огромная змея сбросила старую, ненужную кожу и уползла дальше.

Обычно Алексей Бочаров задолго до дома двадцать пять переходил на другую сторону. Этот дом славился мальчишками, которые вечно толпились у ворот и норовили пристать к каждому проходившему мимо. И сегодня, возвращаясь из школы, он уже собрался было свернуть с тротуара, но вдруг ему показалось, что носорог Носик сейчас наблюдает за ним и качает головой: «Что же ты, друг мой? Неужели не решишься пойти напрямик?»

Ему очень не хотелось идти напрямик. Другая сторона улицы прямо-таки звала его: «Иди сюда, иди сюда...» Но ему стало стыдно перед новым другом, и он пошёл напрямик.

Он вдруг почувствовал прилив сил. Словно впереди, мяг-

ко ступая по асфальту короткими ногами, шёл тяжёлый носорог. Глаза зверя внимательно посматривали по сторонам, острые рога — один подлиннее, другой покороче — приведены в боевое положение. Носорог не сворачивал на другую сторону, шёл прямо мимо дома двадцать пять. И он, Алексей Бочаров, идёт за носорогом. А когда идёшь за носорогом, то ничего не трудно и ничего не страшно.

«Я иду за носорогом», — сам себе говорит мальчик и ускоряет шаги.

Он проходит мимо ворот, у которых стоят мальчишки, переступая с ноги на ногу. Им не терпится подставить подножку или дать пинка невысокому школьнику в серой курточке с большим портфелем в руке. Но они озадачены тем, как бесстрашно и спокойно он проходит мимо них. Они таращат глаза и не решаются сойти с места.

Они наверняка проведали, что он дружит с носорогом, и предпочитают его не трогать.

*

С некоторых пор у Алексея Бочарова появился четвероногий помощник. Когда Валентина Васильевна давала труд-

ную задачку, носорог помогал мальчику решать её быстро и верно. Он превращал обыкновенные скучные цифры в своих братьев-носорогов, в своих друзей — птиц бюфагов — и в пиявок, которых нужно было немедленно пересчитать и загнать в тёмный ил. В тихих задачах, написанных мелом на доске, звучали сигналы тревоги, происходили битвы, погони, и всё зависело от того, насколько быстро и точно считает Алексей Бочаров.

Сам того не замечая, мальчик научился ловко прибавлять к носорогам бюфагов и делить пиявок на носорогов. А однажды носорог помог ему выучить наизусть стихи.

Обычно в школе всем ребятам задают учить одно и то же стихотворение. Будто на свете так мало стихов, что на каждого не хватит. Очень скучно сидеть и слушать, как двадцать человек подряд выходят к доске и не своими голосами читают:

Однажды в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел. Был сильный мороз...

Валентина Васильевна задавала всем ребятам разные стихи. И Алексею Бочарову досталось вот какое стихотворение:

Жил да был носорог
С носорожицей,
И у них был сынок
С глупой рожицей.
Был хорош и пригож
Носорожек.
Почему ж, отчего ж
Он без рожек?
И у папы рога,
И у мамы рога,
И с рогами сестрица-красавица.
И сказал носорог:
— Не ходи за порог,
Пока рог у тебя
Не появится...
Днём и ночью
Носорожек
Тёрся носом
О порожек.

Ел картошку,
Ел творог,
Лишь бы только
Вырос рог.

Тёрся носом о порог —
Появился бугорок.
И уже из бугорка
Прорезаются рога.

Ходит гордый носорожек,
Щеголяет парой рожек.

Больше всего Алексей Бочаров не любил учить стихи. Он краснел от натуги: стихи не лезли ему в голову, как он их туда ни загонял. И когда его вызывали к доске, он забывал половину. В классе звучало шипение — это ребята пытались подсказать ему.

Но стихотворение, которое на этот раз досталось ему, само укладывалось в голове. Вернее, не само, а с помощью носорога. Мальчик представил себе своего друга маленьким, беспомощным существом, у которого на носу не было даже самого маленького рога. И ему подумалось, что, пока он не будет знать стихотворение до конца, рожки не появятся и его друг не станет грозным носорогом.

На другой день он прочитал стихи в классе у доски. Он ни разу не запнулся. И Валентина Васильевна поставила в дневник большую пятёрку, похожую на серп.

*

Когда осень становится холодной и дождливой, волей-неволей приходится надевать пальто. А если дождь льёт без передышки, то никто тебя не выпустит из дому без галош. В галошах человек становится неповоротливым и неуклюжим. Галоши всегда велики и после каждого шага спадают, — приходится волочить ноги по мокрой, грязной мостовой.

В один из таких дождливых «галошных» дней Алексей Бочаров услышал по радио тревожное сообщение:

«В зоологическом саду опустели летние клетки, все звери перебрались на зимние квартиры. И только носорог, по кличке «Носик», не пожелал покидать свой дом. Уже третий день рядом

с его жильём стоит большая клетка на колёсах, которая должна перевезти его в тёплое помещение. Но своенравный житель Африки мёрзнет, не ест, а перебраться в новую клетку не желает».

Для Алексея Бочарова это сообщение прозвучало как колокол пожарной машины. Он вскочил с места и подбежал к окну. Но что можно увидеть в запотевшем окне, кроме кривых ручейков и мокрой улицы.

«Он мёрзнет и ничего не ест». Эти слова продолжали звучать, как будто радио повторяло их бессчётное количество раз. От них сжималось сердце.

А может быть, носорог ждёт его, Алексея Бочарова, и поэтому мёрзнет и голодает? Надо немедленно бежать в зоологический сад!

Он натянул пальто и схватил галоши, которые спадают после каждого шага. Сейчас эти галоши были пропуском, без которого не выпустят из дому.

Несколько раз на улице галоши спадали с ног. Ему надоело останавливаться и топать ногой. Он скинул галоши и взял их в руки. Он промчался мимо дома номер двадцать пять. Дождь разогнал задира мальчишек, и у ворот никого не было. Он задел ногой старую трубу, и та с грохотом покатила по мостовой.

★

«Он мёрзнет и ничего не ест. Он мёрзнет и ничего не ест...»

В зоологическом саду не было ни посетителей, ни зверей. Может быть, в предчувствии снега и мороза звери покинули свои клетки и вместе с перелётными птицами поспешили на юг, чтобы вернуться обратно только с приходом весны? Даже белого медведя не оказалось на месте — ушёл за компанию.

И только носорог не испугался зимы и ждал друга. Он лежал в углу клетки, поджав под себя толстые короткие лапы, и дремал. Его большие, свёрнутые фантиком уши вздрагивали от ветра.

Рядом с его клеткой стояла другая — на колёсах. Она уже третий день ожидала упрямого пассажира. Немного в стороне застыли две фигуры. В брезентовых плащах с треугольными

капюшонами они были похожи на двух пингвинов: большого и маленького.

— Может быть, покормим его? — говорил маленький пингвин.

— Нет, — отвечал большой пингвин, — тогда он ещё неделю просидит здесь.

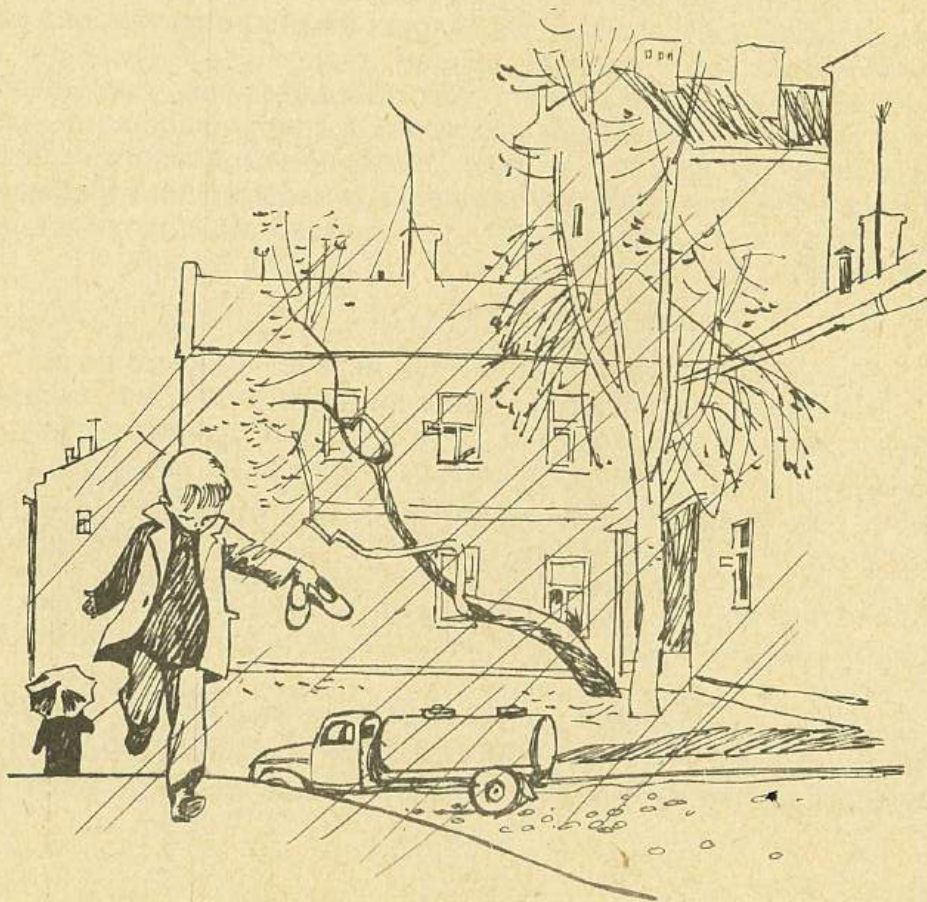
— Жалко зверя.

— Что поделаешь?

Алексей Бочаров подбежал к клетке и взялся рукой за мокрый железный прут. Носорог дремал. Он не знал, что пришёл товарищ. Тогда мальчик позвал:

— Носик! Носик...

Носорог слегка приоткрыл глаза и недоверчиво посмотрел

перед собой. Может быть, его обманывают и никакого Алексея Бочарова здесь нет?

Но, увидев своего знакомого, носорог широко открыл глаза и втянул ноздрями воздух, чтобы проверить по запаху, не ошибся ли он. Потом он поднялся и подошёл к решётке. Он осунулся и похудел. И большие складки на его толстой шкуре стали ещё глубже.

«Что же ты не ешь и мёрзнешь в летней клетке?» — про себя спросил мальчик носорога.

«Жду тебя», — про себя отозвался тот.

«Все звери уже перебрались. Надо и тебе переезжать, а то замёрзнешь».

«Успею».

«У нас зимы холодные. Вместо дождя идёт снег. А вода становится твёрдой как камень».

«А как же я?»

«Переезжай скорее на зимнюю квартиру. Это очень близко. Прокатишься. Я за тобой пойду».

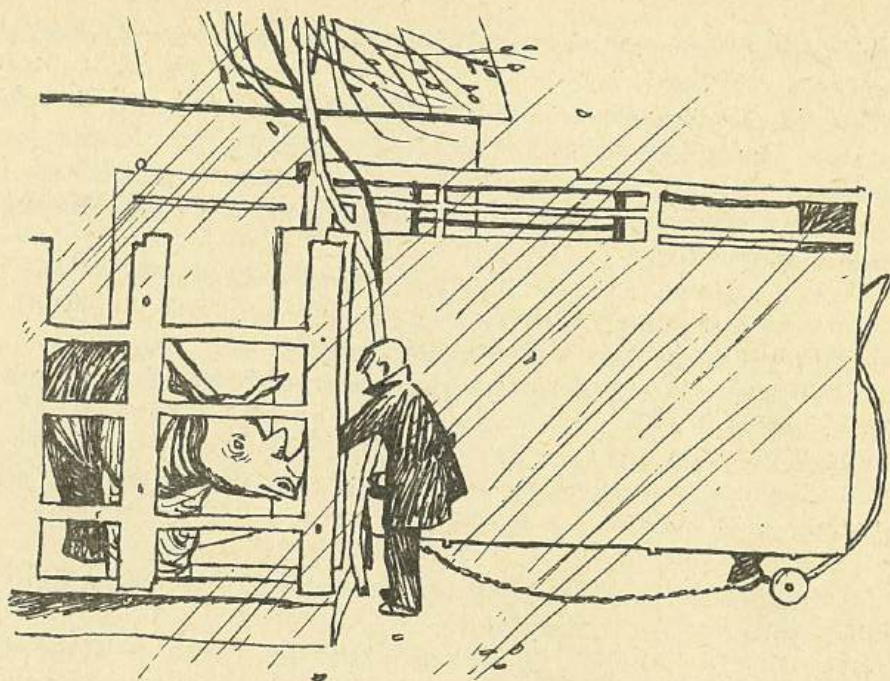
Мальчик и носорог смотрели друг на друга и вели разговор, который не слышал никто, кроме них. А два пингвина — большой и маленький — стояли в стороне и ждали, что будет дальше. А дальше произошло вот что. Мальчик пошёл вдоль клетки, перебирая рукой прутья. И носорог двинулся за ним. Он дошёл до порога и остановился перед клеткой на колёсах, которая доставляет львов, тигров и бегемотов, куда им полагается.

— Он идёт, — прошептали пингвины.

Мальчик подошёл к клетке на колёсах. Носорог вопросительно поглядел на него. И мальчик кивнул: «Иди смелей!» Носорог бесшумно двинулся вперёд. Сперва вошли передние ноги, потом задние. Дверка захлопнулась, и клетка покатила по мокрой дорожке.

Носорог ехал в клетке, а мальчик шёл за носорогом и подбадривал его:

«Ты не волнуйся, всё будет в порядке. В новой клетке тебе будет тепло, как в Африке. А когда настанет весна, я угощу тебя ветками молодой акации, раз ты вегетарианец и не ешь докторской колбасы».

А носорог молчал, стараясь удержать равновесие в движущейся клетке.

Так они доехали до зимнего помещения.

Пингвины сбросили свои плащи с капюшонами и сразу превратились в знакомую старушку и незнакомого мужчину. Они так обрадовались, что им удалось перевезти Носика в зимнее помещение, что принесли ему множество разных носорожьих лакомств. А мальчик стоял рядом, улыбался и прижимал к себе мокрые, грязные галоши.

Когда протираются брюки и рукава курточки без помощи ножниц становятся короткими, когда учебники подходят к концу, а парту, как веснушки, покрывают рябые кляксы, — наступает весна.

Весной особенно интересно смотреть в окно, потому что с

карнизов домов сбивают сосульки, а на буквах «Т» сидят птицы. Голова сама поворачивается, а шея незаметно вытягивается и становится длинной, как у жирафа, чтобы было видно, что делается на улице.

— Алексей Бочаров!

Шея сразу из жирафьей превратилась в нормальную, а глаза прыгнули с крыши и очутились в классе.

— Алексей Бочаров, — повторила Валентина Васильевна, — ты слышал о том, что возвращаются птицы и что на ветках акации скоро появится нежная зелень?

Никто из ребят не понял, почему Валентина Васильевна рассказывает Алексею Бочарову о прилетающих птицах и о ветках акации. Но для него это был тайный сигнал. По этому сигналу могучий четвероногий друг вошёл в класс и очутился рядом. Он пришёл, чтобы помочь смотреть на доску, слушать объяснения и не получать замечаний.

Алексею Бочарову даже показалось, что носорог сидит рядом с ним за партой. Он покосился на своего соседа и впервые заметил, что Попотенко чем-то похож на носорога. Только на носу у него не растут рога.

— Лёгкие предметы, — объясняла Валентина Васильевна, — взвешиваются мелкой мерой веса — граммами. Более тяжёлые предметы — килограммами.

Алексей Бочаров подумал о носороге и спросил:

— А чем взвешиваются самые тяжёлые предметы?

— Тоннами, — ответила учительница. — Ты же сам мне рассказывал, что твой Носик весит полторы тонны.

— Чей носик? — спросил Попотенко.

— Мой, — буркнул Алексей Бочаров и увидел, как от удивления выкатились и округлились глаза его соседа по парте.

*

Только плохие люди морщатся при виде кошки и замахиваются палкой на собаку. А когда у человека бьётся сильное и доброе сердце, он будет дружить с собакой, или пустит в банку с водой красных рыбок, или смастерит голубятню. Но редко кто из людей заведёт дружбу с носорогом. Потому что его нельзя погладить и почесать за ушком и побегать с ним вперегонки. Даже служащие зоологического сада отзываются о носороге прохладно:

— Ничем не выдающееся животное. Ходит, ест, пьёт.

Что они понимают! Живут около него и не чувствуют, какой он тихий и задумчивый. И если он не может, как слон, обвить тебя хоботом и посадить к себе на спину, то это только потому, что у него нет хобота. Но он помогает решать задачки и учить стихи, он делится с тобой смелостью, и ты перестаёшь бояться мальчишек из дома двадцать пять. И вообще ты становишься другим человеком, если идёшь за носорогом.

В солнечный майский день Алексей Бочаров очутился перед клеткой

носорога. Он стоял, просунув голову между прутьями, а за спиной у него был спрятан светло-зелёный, свежий веник из нежных веток акации.

Он наблюдал за Носиком, который улёгся на спину, поднял все четыре ноги вверх и грел на солнце живот.

И вдруг мальчик почувствовал, как кто-то сильно сжал его руку. Он вздрогнул. Рядом стоял человек с красной повязкой на рукаве.

— Ты портишь зелёные насаждения, пойдём в милицию, — сказал дежурный, не отпуская руки мальчика.

— Я не портил зелёных насаждений, я...

— А это что? — дежурный кивнул на зелёный веник и ещё сильнее сжал руку Алексею Бочарову.

Услышав громкий разговор, Носик перевернулся на бок, потом встал и подошёл к передней решётке. Он, видимо, собрался заступиться за друга, и плохо пришлось бы человеку с красной повязкой на рукаве, если бы железные прутья не сдержали носорога.

— Пойдём в милицию, — повторил дежурный, — там разберутся.

— Я не ломал зелёных насаждений! — отчаянно выкрикнул мальчик и попытался вырвать руку, но она была зажата, как в клешне.

Носорог надавил лбом на прутья, но не смог согнуть их. Мальчик внимательно посмотрел зверю в глаза и про себя сказал ему:

«Честное слово, я не ломал зелёных насаждений».

Неожиданно знакомый голос тихо, но твёрдо произнёс:

— Отпустите его.

Алексей Бочаров оглянулся и увидел Валентину Васильевну. Она стояла рядом, и в руке у неё был такой же зелёный веник, как и у него.

Дежурный удивлённо выкатил глаза.

— Вы сами ло... — Он начал было говорить, но Валентина Васильевна не дала ему закончить.

— Я его учительница, — сказала она, кивая на мальчика, — а ветки мы наломали за городом. И прежде чем обвинять человека, надо разобраться.

Мальчик почувствовал, как клешня, сжимавшая его руку, медленно разжалась.

— Кто вас разберёт, — пробормотал дежурный и пошёл прочь.

Валентина Васильевна улыбнулась Алексею Бочарову, а он удивлённо вытянул губы, словно собирался сыграть на дудочке, и тихо сказал:

— Спасибо.

И в эту минуту он подумал: «Как жаль, что с учительницами нельзя дружить. Не станет же учительница заодно с тобой перелезать через забор, когда есть калитка, или менять спичечные коробки на марки... А ученик не может проверять тетрадки, потому что он сам не знает, где верно, а где ошибка, и он не смеет говорить директору: «Анатолий Георгиевич, в данном случае вы не правы». Для ученика директор всегда прав, и не поднимется рука поставить товарищу двойку... Если бы Валентина Васильевна была мальчишкой, как Попотенко... Или хотя бы девочкой...»

— Ну давай угощать нашего друга, — сказала учительница и кивнула на носорога.

Они подошли к клетке и просунули туда два вкусных, аппетитных веника. Носорог долго смотрел на веники и никак не мог решить, какой есть сначала. И он стал попеременно отщипывать то от одного веника, то от другого, словно не хотел никого обидеть, и все трое — носорог, мальчик и Валентина Васильевна — чувствовали себя друзьями.

носоро
спино
нежн
С
все ч
И
руку
на р
сказ
сил
пот
бра
кра
жа
бе
ну
ка
М
ск

СОДЕРЖАНИЕ

ОН УБИЛ МОЮ СОБАКУ	3
В ГОСТЯХ У СОБАКИ	10
У ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНА БЫТЬ СОБАКА	20
СЕРАЯ ШКУРКА	34
ХРОМОЙ ЛЕВ	43
БОЛЬШИЕ ЧЕРНЫЕ ПЕРЧАТКИ	53
Я ИДУ ЗА НОСОРОГОМ	66

Для младшего школьного возраста

Яковлев Юрий Яковлевич

Я ИДУ ЗА НОСОРОГОМ

Рассказы

Ответственный редактор Л. И. Гульбинская. Художественный редактор М. Д. Су-
ховцева. Технический редактор И. П. Данилова. Корректоры К. И. Каревская и
Э. Н. Сизова. Сдано в набор 2/III 1966 г. Подписано к печати 29/XI 1966 г.
Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 150 000 экз.
ТП 1966 № 252. Цена 28 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература».
Москва, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литера-
туры Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Калинин, Мигаловское шоссе, 8. Зак. 112.